

Артём Останский
Слово закона

О магах и людях

Артём Останский

Слово закона. О магах и людях

«Издательские решения»

Останский А.

Слово закона. О магах и людях / А. Останский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501746-8

Тень смуты нависает над великим Ил Гантом... Но какое до этого дело Орону, юному магу, внезапно выброшенному на задворки общества. А по пятам за ним следует смерть... Белая смерть. У оружия нет чувств, нет желаний, нет эмоций. Но даже бездушных магистров Белого ордена порой преследуют сомнения. И Вилену выпадает новое испытание по убийству в себе человечности. Аэрон раскинул сети соглядатайства по всему Ил Ганту. Но он ли паук в этой паутине? За что бороться, если у тебя все есть? Только за власть...

ISBN 978-5-00-501746-8

© Останский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Сын вэяра	6
Глава 2	16
Безымянный	16
Глава 3	23
Загадай желание	23
Глава 4	40
Точка невозврата	40
Глава 5	47
Дверь	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Слово закона О магах и людях

Артём Останский

© Артём Останский, 2019

ISBN 978-5-0050-1746-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аль есть квинтэссенция магии. Частицы флюидами именуемые, необъяснимые и неотъемлемые, подвластные единицам единиц, хаотические по натуре своей и требующие неусыпного контроля. Толики Силы Божественной, одному Всевышнему ведомой, но до магов снизошедшие.

Выдержка из заметок Флюидиуса Кастара Первого «Подчиненье Силы». Приблизительно сотый год эры Близнецов.

Сын вэяра

Утренние лучи пробивались в щель меж бордовыми занавесками и били мальчишке в глаза. Он, прищурившись, приподнялся на кровати, мотнул головой и широко зевнул; бойко потер сонные, слипающиеся после дурной ночи глаза, привычно погладил многочисленные рваные шрамы на правом предплечье и подошел к зеркалу, что стояло у стены, справа от широкой кровати. Вид был воистину скверный: разбитое, примятое после сна лицо, глубокие синяки под глазами, опухшие веки. Мальчик наспех пригладил взъерошенные, непослушные темно-русые волосы, весь насыщенный теплый цвет которых – как шутила его мать – забрала с собой осень – пора, в которую он родился. Взял расческу и кое-как зачесал их назад, на лэрскую моду Ил Ганта. Оделся и спустился вниз.

Завтрак, как и ожидалось, был еще не готов, поэтому он отправился в сад. В воздухе безрадельно властвовал аромат белых, алых, красных, розовых и желтых роз. Узкая серая мощеная дорожка проскальзывала под аркой с цветущими лозами, тянулась вдоль многокрасочных цветов и пышных стриженных кустарников и вела к небольшому, обрамленному массивными отесанными камнями, пруду. У кромки пруда сидела девушка и лениво что-то бросала в воду, судя по всему, хлеб уткам. Все тревоги, принесенные ночью, мгновенно развеялись, когда мальчишка увидел это женское очертание с жесткими, но ровными светло-русыми волосами.

– Эй, Нария, – помахал он старшей сестре и быстрым шагом устремился к ней.

Девушка обернулась; он отчетливо уловил чудное преображение: ее проникновенный печальный взгляд засверкал радостью, а уродливые шрамы на щеках, рубцами переползающие на скулы и лоб, сжались под напором заботливой улыбки.

– Доброе утро, Оренчик. Как спалось?

– Неважно, если честно. – Орен присел рядом с сестрой, отломал ломоть хлеба и бросил в пруд; на него тут же, плескаясь и крикая, накинулся выводок утят во главе с мамой-уткой. – Всю ночь кошмары мучали. Зря ты вчера на День Огня не ходила – весь Даламор на ушах стоял. Ну и мы с ребятами собирались на ярмарку на Менестрельскую площадь сходить – там огненные сласти продавали, вкусности всякие, безделушки, ну и эти были... как их?... факилы... факиры... факулы... короче, мужики полуголые факелами жонглировали и огнем дышали, мол, люди, а магией владеют. Самозванцы те еще! Ну, условились мы у Северных ворот собраться. А Нил, представляешь, в юбке пришел! Говорит, мол, в таких все... эти... ну, барды, в общем, в Халлии ходят.

– Илинис. Созидатели, мыслители, – с улыбкой поправила Нария. – Это не юбки, а килты.

– Да-да, так он юбочку свою и называл. До слез вчера с этого ухахатывались. А потом Андор приперся... с коробочкой какой-то. И Нилу отдал, говорит, мол, подарок тебе, у кровати поставишь, будешь любоваться на ночь. Открывает, значит, Нил подарок и всем нам показывает. А знаешь, что внутри было?

– Что?

– Кошачья голова! Отрубленная, облепленная мухами, черная маленькая голова... И глазик был один приоткрыт – а там гной мерзкий, засохший. Вот кот этот ко мне всю ночь и навевался.

Нария ласково прижала Орена к груди. В ее объятиях он, казалось, изолировался от всего мира: так и сейчас, когда рассказанная им история вновь породила непонятное волнение, дурные воспоминания кошмаров, заботливые руки сестры улетучили все тревоги.

– Дети жестоки, братик, к сожалению, очень жестоки. Главное, что ты-то у меня не такой, – приговаривала Нария, заботливо поглаживая его по голове.

– А знаешь, что сделал Нил?

– М?

Орен немного отстранился от объятий, заглянул сестре в лицо – самое прекрасное и доброе лицо в мире! – и шрамов он совсем не замечал – ожидая получить в награду самую милую улыбку на всем белом свете.

– Он вежливо поблагодарил Андора за подарок. Закрыв коробку и похоронил кота... голову в смысле, прямо с коробкой вместе. И сказал: «Молодец, Андор, на гробик не поспешил». Даже службу провел за упокой как для человека.

Он получил, чего хотел. Нария улыбнулась так, как любил Орен более всего – снисходительно, добродушно, любяще. Непроизвольно он и сам засиял улыбкой.

– Лэр Орениус и... вы, завтрак готов! – бесстыдный звонкий оклик прервал беседу.

Низкорослая служанка с темными одеревенелыми волосами, чье лицо усыпали угри, стояла у террасы и спесиво улыбалась.

– Что значит «вы»? Пусть она и не лэрэса... Как ты обращаешься к госпоже Нарии?! – решительно подскочил Орен и сжал кулаки.

Юношеская злость играла в нем всякий раз, когда служанка – пусть и лэрэса – обращалась с высокомерием к сестре, которое, без сомнений, переняла от его матери.

– Лэр Клаунерис и лэрэса Дариния с вашим братом уже в обеденной – все ждут вас... только вас, – язвительно бросила служанка и отвернулась, направилась в дом.

– Я тебя не отпускал! – топнул Орен.

– Тише, братик, тише, – встала Нария и легонько помяла ему плечо. – Не нужно этого, будь мудрее. Пойдем лучше к столу, там и правда, должно быть, все заждались.

В просторной обеденной с раздвинутыми кремовыми занавесками на широких окнах, выходящих на восток, так, чтобы утреннее солнце освещало трапезу, за столом, накрытым белой скатертью, изящно сервированным разнообразными блюдами, уже сидели отец и мать Орена. Клаунерис Хоулс, нахмурив густые светлые брови, сосредоточенно изучал какие-то бумаги. Дариния качала на руках Клаунериса Младшего – трехмесячного младенца, завернутого в белые пеленки.

– Ч-ч-ч-ч, ч-ч-ч, будущие лэры не плачут. Ты чего плачешь? Не плачь. – Качала на руках ребенка она. Растрепанные русые, еще более светлые, чем у Нарии волосы, падали младенцу на лицо. – Ч-ч-ч. А, вот и вы! Явились наконец-таки. Сколько вас можно ждать? Сколько раз тебе можно говорить? Проснулся – иди за стол и жди завтрак. Нечего с людьми по садам якшаться!

Отец даже не поднял взгляда.

Усевшись за стол, Орен злобно сжал вилку.

– Прошу прощения, лэрэса мать, это я виновата, – склонив голову, робко оправдывалась Нария. – Я задержала...

– Конечно ты. Кто ж еще? Ты почему не помогала на кухне, как я тебе велела уже тысячу раз?! – Клаунерис Младший пронзительно заревел. – Видишь, что ты наделала?! Своим

присутствием ты растревожила нашего будущего лэра! Садись есть, пока я не передумала и не отправила тебе в харчевню.

– Да, лэрэса мать, – покорно проговорила Нария и уместилась между Ореном и Даринией. – Прошу прощения.

– Как мне твои прощения дороги! Лэрэса Тира, девочка моя, возьми ребенка, иди в опочивальню, успокой его, накорми, попробуй. Только смотри – своим молоком, и никого из людей даже на чих к нему не подпускай! – Дариния вручила младенца служанке, стоявшей рядом. Тира, отдав поклон, поспешила удалиться. – Почему лэрэса в нашей Империи должна прислуживать человеку? – Мать свирепела, ее суровый женский говор переходил на крик. – Неблагодарное отродье! Мы вырастили, воспитали тебя, платим за твой университет, а ты что делаешь?! Отвлекаешь брата от становления великим лэром? На трапезу тебя, видишь ли, лэрэса Тира должна приглашать! Сама не соизволишь явиться! Будешь драных птиц разглядывать! Клаунерис, сколько раз я тебе говорила, надо потравить или перебить этих сраных уток! Весь пруд загадили.

Орен взглянул на сестру: его сердце кольнуло от вида ее подавленных черточек лица, вида розовеющих белых щрамов, – глядя на прекрасные, налившиеся влагой глаза, у него самого наворачивались слезы. Его затрясло изнутри, в глазах помутилось, зубы сжались. Он резко отшвырнул вилку – та звякнула, отскочив от стола, и упала на пол. Горничная незамедлительно подняла ее.

– Замолчи! Заткнись! Заткнись! – в испуге подорвался Орен. – Не смей ее обвинять!

Разразился скандал. Дариния зашлась отборной бранью, опрокинула стул, заметалась по обеденной, проклиная всех людей без исключения и размахивая руками; скинула золотые и серебряные миски, блюда и кубки со стеллажей.

– Клаунерис, посмотри на своего сына, посмотри! Он снюхался с ней, понимаешь, снюхался! Чего ты молчишь?! Снова молчишь и молчишь! Язык проглотил?! Ты хочешь, чтоб твоего сына за кровосмешение судили? – рыдая, визжала она и в безумстве трясла мужа.

Клаунерис спокойно встал, отстранился от Даринии и, даже не удостоив взглядом ни жену, ни детей, молча ушел с кипой бумаг в руке.

– А ты, сынок, что ты с ней возишься? Заразу хочешь подхватить? – Дариния склонилась над ним.

– Ты себя слышишь?! – заорал в ответ Орен ей прямо в лицо. – Какую в бездну заразу?!

– О-о-о, ненаглядный мой, – обняла его Дариния и принялась судорожно поглаживать по затылку. – То очень, очень опасная болезнь. Она лишает магов их Силы. Ты думаешь, почему у меня и твоего папы, лэра и лэрэсы, родился обычный человек? Я подхватила эту хворь, когда вынашивала твою сестру, – я чувствовала, как она высасывает мою Силу. Даже простейшее заклинание сотворить не могла! И все врачеватели были бессильны. Я ночами молилась Творцу, дабы хваробу ту отвел от меня. И Всевышний услышал! Дал мне силы родить ее раньше срока.

– Лэрэса... мама, часто у двух магов рождаются дети не маги, нет такой болезни, – робко запротестовала Нария, потупив взор.

Мать резко выпрямилась. Подлетела к дочери. Звук сильного хлопка сотряс воздух. Нария схватилась за щеку и, усердно дыша, выбежала из обеденной.

Орен с оцепенением смотрел на мать. Его трясло; разум был облачен в мантию ярости, парализующую, безутешную, при которой невозможно ни крикнуть, ни пошевелиться, ни соображать. В ту самую минуту ему хотелось сжечь дотла этот дом вместе с чокнутой матерью, зарвавшейся служанкой и черствым отцом, но еще больше он желал броситься к сестре, прижать ее к груди, как всегда прижимала его она, и успокоить. Однако все это было недостижимым – реальным оставался лишь яд ненависти, растекающийся по крови.

Выкрикнув несвязную брань, Орен спешно выбежал из дома.

И пусть до полуденных занятий оставалось еще много времени, в школу он шагал быстро, раздраженно, бубнил под нос что-то нечленораздельное. Путь его лежал через Лэрский квартал: по широкой, выложенной брусчаткой дороге с тянущимися вдоль водостоками, меж разномастных, пышущих роскошью особняков, цветников под окнами, застекленными почитай прозрачными стеклами, между облицованных разнообразными изразцами заборов, масляных фонарей, вездесущих стражников, при виде Орена принимающих гордую осанку.

В аллее, усаженной барбарисом, пятилистником, вереском, бересклетом и дьявол знает чем еще, он наткнулся на пухлую женщину с прической как у барашка, без зазрений совести набирающую маленький букет из голубых, белых и желтых пятилистников. Увлеченная своим занятием, она, казалось, не заметила Орена. Пухлую лэрэсу звали Тамарией Лэнгор; она служила в городской канцелярии. Впрочем, Орен плохо представлял суть ее службы, ибо постоянно встречал лэрэсу то бесцельно слоняющейся по парку, то трудящейся в собственном саду, то дремлющей на лавочке у ратуши, а то и вовсе выходящей из городских ворот, ведущих во внешнее кольцо, во главе шествия носильщиков со всяким барахлом. Когда-то она частенько заглядывала к ним в гости, пока однажды Дариния не окатила ее вином и не вышвырнула за волосы из дома – один из немногих случаев, когда Орен неподдельно радовался сумасбродности матери. Он не понаслышке знал о назойливости Тамарии и ее способности осыпать банальными вопросами, на которые уже тысячу раз слышала ответы, так что попытался незаметно ее обойти.

– Здравствуй-здравствуй, молодой лэр! – выпрямилась она и воскликнула как раз в тот момент, когда Орен проходил за ее спиной.

– Здравсте, – обреченно сказал Орен. – Да я-то не лэр еще...

– А, да-да-да, точно-точно. А когда у тебя выпускные экзамены? Ты ж уж скоро выпускаешься, да? – протараторила она и сунула нос, напоминающий вытянутую картофелину, в разноцветный букетик.

При всем желании Орен не сумел бы сосчитать, сколько раз он уже отвечал ей на этот вопрос.

– Зимой...

– Да-да, точно, зимой! Куда дальше учиться пойдешь? В нашу академию, или в другой город поедешь? Иди в нашу, не пожалеешь. В Даламоре лучшая кафедра лечебной магии во всем Ил Ганте! Я знаю, о чем говорю, сама там училась. А если дополнительной специализацией водную стихию выберешь, так вообще хорошо! Я б тебя сама и поднатаскала.

– Спасибо, – пытаясь скрыть раздражение, улыбнулся Орен, глядя куда-то в сторону. – Да я еще как-то и не думал.

– Напрасно, напрасно. Надо уже сейчас задумываться, а то потом все места позанимают – локти кусать будешь! У нас тут приезжих, что тех беженцев в Кор Тане, – кучу академий в Ил Ганте им понастроили – поступай не хочю! Так нет же, все в столицу прутся! А потом мы удивляемся, почему при низкой рождаемости магов в Даламоре учебных мест не хватает, почему, прости Боженька, улицы в верхнем кольце зассаны. Ты-то, поди, не видишь, дрыхнешь, а на улицах приходится целому легиону дворников орудовать, чтоб мы по чистым дорожкам ходили. А волокиты мне бумажной сколько от этого... ты бы знал! Ну ладно, не буду загружать, тебе сейчас об учебе надо думать. – Тамария затынула носом букет. – Ах, прелесть какая! – И ткнула его под нос Орену. – На вот, понюхай. Божественный аромат! Надо пятилистниками свой сад засадить. Вместо флоксов посажу, да! А то что-то совсем увяли.

Орен чихнул от слишком душистого аромата цветов.

– Будь здоров! – незамедлительно последовало от лэрэсы. – Утренний чих – к доброму дню. Да ты не раскисай, твой папа тебя обязательно пристроит в академию, кто ж вэару Дала-

мора откажет? А там, глядишь, и в университет надумаешь пойти, наукой какой заняться. Кстати, как он там? Хорошо себя чувствует? Давненько я его что-то в ратуше не встречала.

– Да нормально все. Он просто это... занят.

– Понимаю-понимаю, он – лэр важный, дел невпроворот. Дела государственные решает, да?

– Понятия не...

– Ну и пусть, пусть. Ты не отвлекай его. А за городом мы уж проследим, – улыбнулась она так сладко, будто ее округлые щеки сейчас расплавятся. – А как сестра? Как братик?

– Да нормально. Завтракают. Наверное.

– Ага, ага. А ты чего в такую рань слоняешься без дела? О, пойдем, поможешь мне. Там надо...

– Извините, лэрэса Тамария, я сейчас никак. Спешу очень. В школу надо.

– Так у вас же занятия в полдень! – вскинула брови она. – Или нынче раньше сделали, а мой обалдуй дурит меня? Не спит допоздна, а потом впопыхах в школу летит, даже поесть толком не успевает. Ух, я ему покажу!

– Да не, это мне там... дополнительно надо... Ну...

– А, ну понятно, понятно. Занятия дополнительные. Ах, какой молодец! Не то что мой... Правильно! Ученье – свет. Ну, беги, беги. Набирайся знаний.

Орен спешно попрощался с лэрэсой и быстро зашагал. Но, уже выйдя к парку, замедлил шаг – не спешил. Нарочито брел окольными путями, под покровом ветвей размашистых ив и ясеней; послушал, как две крохотные птицы в кустах перебрасывались чириканьями, точно соревнуясь в красоте голоса, поиграл в гляделки с жующей белкой, но стоило ему сделать шаг вперед, как она тут же скрылась в кроне молодого кедра, смочил горло водой из небольшого каменного фонтанчика и даже успел посидеть на скамейке.

Из парка по узкой, потрескавшейся каменной тропинке вышел на мостовую, пропустил трех всадников, сломя голову несущихся куда-то, невзирая на запрет передвижения галопом в городе, и очутился на выложенной мозаикой площади. Ее он миновал быстро, не обращая внимания ни на громоздкую серую ратушу, ни на белоснежную мраморную скульптуру высокорослого Этариуса и маленьких людей, упавших ниц вокруг него, ни на выстриженные в форме овала редкие деревья, ни на снующих лэров, лэрэс и богатейших и влиятельнейших людей Даламора, у которых был доступ во внутреннее кольцо, – такие, в отличие от магов, всегда были увешаны целыми фунтами всяческих драгоценностей и порою вычурно разодетые. Лишь мимоходом кивнул осыпавшему его лестью низкорослому смотрителю филиала банка Караптула во внутреннем кольце; вечно мрачному председателю судейской коллегии Даламора, пожелавшему здоровья и процветания роду Хоулсов; и еще какой-то бабушке, которая любезно поприветствовала его, но ее саму он видел впервые.

Пройдя через тесную улочку имени лэра Варизимиуса Ракийского – старшего координатора «Детей Ронснериуса» (второй легион), посмертно получившего звание героя Ил Ганта, – Орен попал в образовательный квартал. Состоял он из двух маленьких как бы городков. Тот, что побольше, принадлежал академии магии Иллионора Нартин; но Орен направился к более мелкому, школьному городку Пилиции Нартин.

Школу для магов Орен всегда посещал с большой радостью – это была его отрада, то единственное место, где он мог окунуться в водоем беззаботности и знаний, школьных интриг а-ля «она вчера встретила с ним у пруда» и практических магических искусств, естественно, не забывая в обязательном порядке молитвенно поблагодарить Творца перед каждым уроком, как требовал того школьный устав.

Он заскочил в школьный трактир, дабы унять мольбы урчащего желудка – благо школяров кормили бесплатно. Заглянул в дом ожиданий – просторное здание, разделенное на ком-

нату отдыха с мягкими диванами, зал самоподготовки с множеством деревянных столов и стульев, нужник, небольшую библиотеку и служебное помещение.

До начала занятий, судя по положению солнца, оставалось не меньше двух часов, это же подтверждали башенка с часами посреди школьного городка; Орен подумал, что неплохо бы чем-то себя занять. Пробежался по комнатам дома ожиданий – все они ожидаемо пустовали, – «надо бы по теоретической магии подготовиться», – заглянул в библиотеку. – В нос сразу ударил стойкий книжный аромат. – Неизменно ворчливую старую лэрэсу сменила молодая и энергичная, энергичная настолько, что ее рабочее место практически всегда пустовало. Тем не менее Орену повезло, и он застал ее погруженной в какую-то книжку с ярким расписным переплетом.

Массивный фолиант с глухим шлепком рухнул на деревянную стойку. Он сильно уступал в привлекательности цветистой книге в руках библиотекариши – пожелтевшие шершавые страницы, скупой коричневый кожаный переплет, еле видимая выгравированная надпись «Теория магии. Том III. Флюиды-проводники. Схемы построения магических конструкций», – от книги прямо-таки веяло скукой и сонливостью. Орен пожал плечами и, закинув фолиант под мышку, скользнул в комнату отдыха. Развалился поудобнее на диване, раскрыл книгу и принялся изучать.

Впрочем, дальше второй главы Орен не осилил – и уже сладко подремывал, запрокинув голову на спинку дивана.

Время занятий подошло к концу. Солнце уже слезло с небесного трона в зените, но стояло все еще высоко, ласкало Даламор теплом. Немногочисленные ученики, досидевшие до конца занятий, создавали гомон целой ватаги протестующих и радостно разбегались по своим делам. Выйдя с территории школьного городка, у высоких деревянных, настежь открытых ворот остановилась компания из четырех мальчишек. На гладкой печально-серой стене какой-то добродетель мелом оставил лестный отзыв о состоянии женской половой части некой Тарсени.

Среди Нилиуса – пухлого рыжего паренька, чье лицо усыпали веснушки, – сутулого низкорослого Карила, – даже рядом с Андором – черноволосым величавым, с гордым прищуром мальчуганом, – Орен ощущал себя легко и развязно.

– Ну что, Трубадур, давай, предлагай, куда сегодня пойдём, – приглаживая назад шелковистую шевелюру, потребовал Андор.

В ответ Нилиус молча пожал плечами, и без того нескладный, выглядевший совсем уж толстым на фоне ребят.

– Трубадур-самодур, снял штаны, пошел в Халур, – сверкая зубной желтизной, визгливо смеялся Карил.

Андор ехидно ухмыльнулся и тут же повернулся к нему.

– А ты чего хохочешь, заморыш? Это ж тебя отец на охоту прошлой седмицей брал?

– Да не на охоту мы... – опустив взгляд, замялся Карил.

– На охоту, на охоту, зверушек лесных просто так убивать! – присоединился Нил.

– Твой отец – любитель поохотиться. Это всем известно, – постукивая Карила кулаком по плечу, упрекал Андор. – Прямо как грязный человечиска. Небось, в домике охотничьем жили, а? На сене блошливом спали. Или вообще со свиньями валялись? А? Ха-х. Ты хоть свинушку оприходовал какую? Или отец всех загреб, а тебе ничего не оставил?

– Никого я не приходовал! – несмело воскликнул Карил.

– Поори мне еще! – пригрозил кулаком Андор. – А-а-а-а! Точно! Какие свинушку, что это я? Папаня ж твой с людишками якшается, да служанок в постель прёт.

– Никого он не прёт!

– Как это так не прёт?! Мне о том брат старший как-то взболтнул. Ты что, сучий сын, хочешь сказать, что мой брат врать будет? А?! – Андор толкнул Карила, – тот пошатнулся, но устоял на ногах.

– Да не, ну как бы не врет и... И это.

– Прёт, значит? Сам сказал! Ха! Прёт, прёт! – в голос засмеялся Андор. – А... Что это я? На кой ему служанки-то? У тебя ж мать – человечиска обычный. Ха-х!

Перед глазами Орена возникла утренняя картина, в памяти всплыла рыдающая Нария; и нечто укоризненно кольнуло внутри.

– Хватит, Андор, отстань от него.

– Ой, какой песик, – посмотрел Андор под ноги Орону.

Орен в испуге отскочил. Ребята дико захохотали, только Нил сочувствующе улыбался.

«Идиот. За столько времени так и не привык к этому...», – упрекнул себя Орен и грустно потер закрытые длинным рукавом шрамы.

– Ладно, – выдохнул Андор и обтер заслезившиеся от смеха глаза. – Тухло тут, ловить нечего. Пошлите в нижнее кольцо – уж там, чем заняться всегда найдется.

Внешнее кольцо Даламора – или, как его шутливо окрестили, «Округ вони», хоть вонь и стояла только в портовом квартале да на нищеводских улицах без клоаки и водоснабжения акведуками – занимало большую часть города и, как в любом другом крупном городе, было отделено от внутреннего высокими каменными стенами.

Компания мальчишек забрела в широкий переулок Трех Ягнят, названный в честь харчевни, разместившейся на углу. Грунтовая дорога кишела выбоинами. Из закоулков слабый ветерок доносил смрад нечистот. Мальчикам навстречу шагали нескончаемые угрюмые лица; украдкой озирая их скромные, но богатые одеяния, люди прятали взгляд, шоркали и ускорялись. У харчевни, пошатываясь, стояла страховидная труженица интимного фронта; неровно вырезанное декольте по самые розовые выпуклости обнажало ее обвислый бюст. Где-то за одноэтажными домами потусторонним криком надрывалась кошка.

Незамысловатые, ласкающие слух мелодии струн доносились из широкой улицы справа.

Мальчишки двинулись к источнику звука и набрали на ветхого мужичка, с курчавой темно-пепельной бородой и густыми, грязными волосами. Сидел он на маленьком табурете и перебирал тонкими пальцами струны лежащих на коленях гуслей. Его сморщенные веки были захлопнуты. Облизав обветренные губы, мужчина зашелся песней.

«Эх, лиха девица в поле,

Вскачь несли ее ветра.

Красива́ была собою

И давала всем зазря...»

Впрочем, лучше бы он этого не делал – голос его звучал аляповато, со срывами.

Услышав пение, вкушавшая мелодию гуслей задолго до прихода мальчиков, сгорбленная пожилая женщина подошла к менестрелю и бросила пару грошей в тряпочный мешочек у его ног, после чего засеменяла прочь.

– Давайте его камнями закидаем, – нетерпеливо предложил Карил, с ожиданием поглядывая на остальных.

– Камнями? – скривился Андор. – А давай еще дерьмом обмажемся и в эту вонь переселимся. Ты от своей матери таких замашек понабрался? Шуруй-ка с такими мыслишками к барду этому недоделанному, подпевай. На днях бывал у меня такой оборванец дома, правда, тот поприличнее одет был, и без бороды, и на лютне играл. Отец вечно нанимает всякий сброд, чтоб не в тиши ужинать.

– Везет, у тебя хотя бы музыканты дома бывают... – вздохнул Орен.

– Ой, а что, взяру Даламора такие оборванцы не по карману? – язвительно процедил Андор. Карил поддержал шутку визгливым смешком. – Так недоумок тот решил пошутить –

поэму «Страшилище-лэрэса» исполнить. Отец тоже в ответ пошутил. Раскалил струны лютни докрасна и заставил эту же мелодию играть да припеваючи. Вот умора была!

– Да уж, обхохочешься, – неодобрительно бросил Орен, высматривая пробегающих вдали бродячих собак, коих не счесть водилось в бедных районах.

На удивление остальных – даже Орен изумленно поднял бровь – Нил подошел к менестрелю и бросил тому целых четыре тригроша (!). Менестрель даже оторвался от струн и ответил, явно с трудом, поклоны своему благодетелю.

– Брата по разуму встретил? – фыркнул Андор.

Нил ответил без улыбки, спокойно и размеренно:

– В Халлии, между прочим, илинис – отдельная каста. Их труд уважают, как и всех остальных.

– Ну так и езжай в свою Халлию, расхаживай в юбочке по улицам словно шут и дуй в трубу, а здесь... Ба!.. поглядите-ка! – указал пальцем Андор куда-то в сторону. – Вот я и нашел нам веселье.

Мальчишки, включая Орена, разом обернулись. Шагах в пятидесяти от них задорно бегали две девчонки, примерно их возраста, вокруг сидящего на земле парня; эта странная игра была Орену неизвестна, – да и на кой будущему лэру знать, во что играют людские дети?

– Вчера, как вы по домам разбежались, я знатно повеселился с одной из таких простушек, – гордо положив руки на пояс, похвалился Андор. – Непередаваемо! Говорю вам, парни, вы обязана это попробовать!

– Она хоть не против была? – улыбнулся – сам не зная от чего – Орен.

– Да какая разница? Против-не-против. Это ж людишки – они созданы, чтоб уважать и ублажать нас!

– Вообще-то, если подумать, мы им обязаны большим, чем они нам, – тихо возразил Нил. – И обязаны они, как завещал Этириус, лишь содействовать нам в поддержании мировой гармонии, а это... это совсем не та поддержка.

– Ты-то гармонию будешь поддерживать? Ты можешь поддерживать гармонию только внутри своего брюха, – рассмеялся Андор и слегка толкнул кулаком живот Нила.

– Лучше быть полным внутри, чем полым, – скупно заметил тот.

Орен в растерянности взглянул на Андора, ожидая, что сейчас начнется ссора. Но тот, похоже, пропустил язву мимо ушей, – и школяру понятно: эти девчонки увлекли его не на шутку. Он подошел к Орену и положил пятерню ему на плечо. Указывая пальцем на согнувшуюся от отдышки девчонку с распущенными волосами глубокого сумеречного цвета, он негромко проговорил:

– Я возьму эту. Ты – каштанку ту. С Нилом все понятно – он бесполой, а Карилу достанется этот убогий, который сидит.

Орена пробило на улыбку. Нет, он не верил, что действительно сейчас что-то будет – так, фантазии, отроческое хвастовство; но фантазии сладкие...

– Не люблю я мальчиков! Ну, то есть люблю, но не в этом смысле, – возразил Карил.

– Если я скажу, и собак полюбишь, – усмехнулся Андор, задорно постукивая по плечу Орена.

Орен шагал рядом с Андором, Нил и Карил плелись сзади, – они подошли к веселящейся компании. Девочки затихли, переглянулись между собой; поднявшийся на ноги парень, который оказался куда старше, чем казался на расстоянии, куда выше и широкоплечее, одарил мальчишек оценивающим взглядом. Взгляд тот, впрочем, выдавал в нем человека не шибко большого ума.

– Веселимся, да? – начал Андор, глядя на темноволосую девочку. – Тебя как зовут?

– Тебе-то что? – с хрустом разминая кулаки, выступил вперед парень. – Мы вас не звали, так что шуруйте-ка отседова подобру-поздорову.

– Подобру-поздорову? Ха-х! – Андор локтем подначивал Орена. – Слышал, что говорит? Подобру-поздорову... Людишки... Ладно, – внезапно посерьёзnel он, – будь по-вашему. Плевать я хотел на ваши имена. Ты. И ты. – Поочередно указал он пальцем на девочек. – Щас идете с нами. А ты подобру-поздорову валишь отсюда так быстро, чтоб я не успел даже плюнуть в твою сторону.

Едва юноша сделал шаг вперед, как с ладони Андора вырвался силовой импульс и ударил парня в грудь. Тот отлетел на добрых полторы сажени и упал на спину; повернулся на бок, скорчился, обхватил руками грудь и усердно захрипел. Что-то тревожное обуяло Орена, он исподлобья взглянул на молодого глухого и слепого стражника, стоявшего дальше по улице, шагах в двадцати от них.

Каштанка сорвалась с места и в мгновение ока скрылась в переулках.

– На месте замерла, тварь! – рявкнул Андор темноволосой девочке, собравшейся последовать примеру подруги.

Она замерла с выражением лица, точно увидела саму смерть. Парень, болезненно кряхтя, поднялся и побежал прочь, согбенный и обхвативший грудь. Стражник, увидевший, что на него смотрит Орен, тут же отвернул голову.

– Ко мне подошла! – скомандовал Андор. – Быстро, я сказал!

Девочка, видимо онемевшая от ужаса, не сдвинулась с места.

– Да хватит, Андор, – нервно сказал Орен. – Ты же видишь, не хочет она. Не надо этого.

Но Андор оказался глух. Нил сзади буркнул что-то невнятное – и на него он среагировал сразу:

– Закрой свою пасть, ни то я сам тебе ее закрою! – обернувшись к Нилу, крикнул Андор и широкими шагами подлетел к девочке. – Ты тупая или глухая?! Или я что, тебя еще уламывать должен?! – Он крепко сжал ее руку и потащил за собой. – Вкрай распоясались людишки.

Но девочка вырывалась, упиралась, кричала. Между ней и Андором завязалась нешуточная борьба. Орен хотел было вмешаться, но опоздал – смачная пощечина осадила Андора. Его всего затрясло, из уст вырывалось нечто косноязычное, отрывистое, бранное. Стражник не заставил себя долго ждать и в мгновение ока подлетел и скрутил девочку, бросил ее лицом в землю и насел коленом на спину. Немногочисленные свидетели происшествия останавливались поодаль и увлеченно наблюдали за происходящим.

– Упрятать суку в темницу! – в исступлении орал Андор, размахивая руками. – Чтоб я никогда больше ее не видел! Никогда! Чтоб не вышла она из клетки! Не! К позорному столбу ее! Да оголить! Пускай каждое животное ее пользуется! Казнить! Да! Казнить – приказываю! Нет! Дай-ка лучше сам с ней разберусь! Слышишь, боец, давай-ка, поднимай эту мразь и за мной веди!

Орена заколотило. Он сжал кулаки – не мог больше равнодушно наблюдать за происходящим. Точкой срыва послужило легкое касание Нила его плеча.

– Стоять! Именем моего отца, вэяра Даламора, лэра Клаунериса Хоулса, приказываю – стоять! Ты... тряпка, стоял как столб и сопли жевал, а как ударили мага, решил вмешаться?! – кричал Орениус, будто сам был вэяром, с яростью глядя прямо в бледнеющее лицо стражника. – Рот закрой и не оправдывайся! Попробуй только оправдываться начать – ни то что этом городе жить не будешь, а вообще не будешь! Андор, у тебя крыша поехала?! Какого дьявола ты к ней прикопался?! Иди в бордель, если зудит так! Ах да, о том же отцу твоему доложить могут – он-то с тебя три шкуры спустит! Клянусь тебе, узнаю о твоих выходках, не посмотрю, что мы друзья, поговорим по-другому. – Андор до белизны закусил губу и отвел взгляд. – Девчонку отпусти. Быстро отпустил! – топнул Орен.

Стражник высвободил девочку и попятился.

– Тебя как зовут?

– Лира, – неуверенно поднимаясь, перепугано ответила та.

– С Лиры... эм... с Лиры из Даламоры сняты все обвинения! – Орен крикнул нарочито громко, дабы все зеваки, обступившие их, но не решающиеся подойти ближе, чем на двадцать шагов, услышали. – А ты... еще раз увижу твое бездействие – сам попадешь на виселицу. Понял меня?!

– Да! Понял! Простите меня, милостливый лэр, простите! Не велите казнить! Я думал... нет! У меня две дочурки маленечких... Простите, я не знал! То бишь это... Простите, простите меня! – Упал на колени и раскланялся стражник; еще чуть-чуть и он принялся бы целовать Орена башмаки.

Он оправдывался...

Впрочем, Аэрон уже забыл о своей угрозе.

По домам мальчишки разошлись, не обронив ни слова.

Глава 2

...Ибираю путь служения Господу одним-единственным предназначением жизни своей. Отрекаюсь от имени своего в пользу ордена, ибо у маски имени быть не может. Приношу в жертву я волю свою, ибо волей меча интересы Ил Ганта служат. Клянусь. Не убоюсь я теней потусторонних, соблазну греха не поддамся. Не дрогнет рука моя в час приговора исполнения. Не усомнюсь я в поступках своих, ибо поступки те Господь определяет. Клянусь. Отныне и навеки не существует у меня ни прошлого, ни будущего, а настоящее вручаю я в руки Капитула. Отныне и навеки: Господь – мой отец, Империя – моя мать, братья мои – каждый, кто вместо лица белую маску носит. Клянусь...

Часть клятвы магистра Белого ордена.

Безымянный

Мягкое мерцание шести масляных ламп на стене разливалось по тесной комнатухе; дневной свет заглядывал из дверных щелей. Против двери замер магистр в одних только брэ, с гордо выпрямленным станом и гладко выбритой, склоненной головой. Он мысленно дочитывал литание очищения разума перед боем. На улице царил летний зной, однако комната точно наполнялась прохладой невозмутимости, которая веяла от мужчины. Шум сражения доносился из-за двери, и уже очень скоро худосочному, жилистому магистру предстояло очутиться в эпицентре того действия, что происходило снаружи. Кожу его исписывали случайные рубцы, левая щека походила на изборожденный временем известняк, через лоб, рассекая напополам правую бровь, цепляя скулу и задевая подбородок, тянулся искореженный, с отметинами зашивания, серпообразный шрам – жизненные памятки о тяготах армейской жизни, – тем не менее свежие ссадины и царапины отсутствовали, уж лэры-врачеватели знатно над этим потрудились.

Шум сражения угас. Грубый мужской крик боли оборвался, не успев начаться. Топот ног. Через минуту дверь открылась – в комнату вошли два магистра Белого ордена с носилками в руках. На плечах белых масок красовались нашивки – распахнутая белая книга на зеленом фоне – знаки наставнического отдела. На носилках лежал такой же лысый мужчина: сквозь сжатые зубы не просачивалось ни единого звука, глаза его были зажмурены.

– Что с ним? – глухим, напоминающим удар по дереву голосом, поинтересовался Вилен.

– Переломы стоп, – не останавливаясь, бросил первый из носильщиков.

Белые маски пронесли носилки через комнату и скрылись за второй дверью, где ожидали своей очереди еще шесть лысых мужчин. Вилен проводил их спокойным, отрешенным взглядом. Род, так звали того мужа, в прошлом – ветерана многих битв, настоящего пса войны (как и все магистры здесь, в Белой цитадели), готового зубами рвать противника, честно дослужившегося до полкового, входившего в число лучших мечей Ил Ганта. Два долгих года кровью и потом они шли к этому дню. В отличие от Вилен, Род отлично помнил дату своего рождения и был старше него на добрых двенадцать-тринадцать лет. Он превосходил Вилену по всем физическим параметрам, в искусстве фехтования ему не было равных, а ум отличался остротой, – даже наставники, не скрывая, пророчили ему большое будущее в ордене – и вот, как заключил Вилен, тот прокололся: совершил глупейшую ошибку, от которой их предостерегали с самого первого дня тренировок магистров: «Мало уметь прыгать на две сажени вверх – нужно уметь правильно приземляться». И теперь вся дальнейшая судьба Рода в руках врачей:

они, и только они будут решать, сумеет ли он стать на ноги и пройти повторный курс обучения, если же нет – живого магистра в мир никто непустит.

Вилен вздрогнул, но ставшим уже чем-то наподобие инстинкта усилением воли немедленно заглушил едва зародившееся, но уже разрастающееся волнение. Первый испытываемый экзамен сдал, у второго перебит позвоночник, третий находится в руках лэров, подошла и его очередь...

– Номер четыре, боевая готовность, – донесся голос, напоминающий удар барабана, из-за двери.

Вилен подошел к столу, на котором аккуратно сложили экипировку Белого ордена. Он одевался и вооружался с легионерской четкостью и быстротой: руки рефлекторно натягивали одежду, а мысли его переносились к воспоминаниям разного срока давности.

Чистые портянки.

Белоснежные крепкие, но податливо гибкие кожано-тканевые штаны, заправленные в начищенные до блеска черные сапоги. Великолепные сапоги из лучшей кожи Империи совершенно не походили на драные ошметки, в которые превращалась легионная обувь после пары-другой месяцев похода. Война – это прежде всего утомительные походы, ночные караулы в лагере, кровавые мозоли, периодический голод в целях экономии провизии и, не приведи Господь, кровавый понос, а уж потом краткосрочная, позволяющая отвести душу бойня и страшные картины разграбляемых городов и поселков.

Следом Вилен натянул поддоспешник – тоньше, но в то же время значительно прочнее тех, что используют легионеры и стражники. Картина, как подобный гамбезон спас его плечо от скользящего удара топора в битве у Воруги, всплывала в памяти, – немой отголосок десятилетней давности.

Поверх поддоспешника рухнула кольчуга по пояс – усиленная магией, плотная, с тонким плетением, она, как утверждали, могла сдерживать даже арбалетный болт (ни у кого, правда, не возникало желание проверять то утверждение на практике), а специальная магическая печать, когда ее активировал магистр, создавала силовой купол на непродолжительное время вокруг воина. Впрочем – палка о двух концах – печать использовала все флюиды (магические частицы) кольчуги, и она становилось ничем не лучше той, какую можно заказать у любого искусного бронника. Как и всем новоиспеченным магистрам, труднее всего Вилену давалась именно активация таких печатей: распорядиться магическими частностями внутри собственного тела – это одно, а влить их часть в предмет извне – совершенно иное. Зачастую он представлял, пытался понять, как лэры и лэрэсы свободно распоряжаются такой Силой, но не мог даже вообразить, как сам создает над ладонью огонек. Новоиспеченным магистрам объясняли, что у них нет даже толики той Силы, какую с рождения имеют маги, потому если маг попробует влить флюиды в мышечные волокна или же нервы – элементарно разорвет их. Именно поэтому устройство магических артефактов для мага и магистра кардинально различалось: первым требовалось впустить флюиды в так называемую пустую печать, в артефактах вторых же сразу имелись флюиды, достаточно лишь активировать печать; однако если печать мага находится в «спящем» состоянии, то ее практически невозможно обнаружить Дул-сэ, артефакты же созданные для магистров можно сравнить со всегда взведенными арбалетами. Уголки его тонких губ разъехались в неприметной улыбке – однажды парни заключили пари: оба участника спора были уверены, что смогут сдвинуть маленький камешек с помощью магии... результат оказался предсказуем.

На кольчугу он натянул идеально белую рубаху.

Следом Вилен надел символ грации и особого шарма Белого ордена – приталенный плащ-камзол с довольно узкими рукавами и темно-коричневыми ременными застежками от шеи до паха, с жестким воротником, подолом, ниспадающим сзади до середины голени и разрезанным посередине, дабы не стеснять движение в бою. Таких не увидишь ни на ком, кроме белого воинства, – секрет пошива и материалов не выходил за стены Белой цитадели. Проч-

ный, мягкий и упругий плащ-камзол, несмотря на всю свою легкость, мог спокойно защитить от шального скользящего удара. Правда, какой маг будет наносить удары обычным оружием, для Вилен оставалось загадкой. На плечах отсутствовали нашивки.

Затянул потуже пояс.

На левом предплечье он закрепил специальный наруч. Его магическая печать позволяла магистру создать небольшой силовой щит, по стойкости превосходящий любые материальные аналоги, но, как и у всех магических предметов, его главным недостатком являлась краткосрочность использования; впрочем, магистрам, как правило, большего и не требовалось.

Невероятно удобные, мягкие кипенные кожаные перчатки, – перед их пошивом с каждого пальца магистра снимали мерку. На левой перчатке крепились пять колец, в которых умещался определенный заряд магических частиц. От каждого из колец с ладонной стороны исходили тонкие линии для проводимости потока флюид; вели они к небольшой круглой пластине – импульсатору по-научному, или толкателю, как называли его магистры, – приштопленной в центре ладони. Более полугода потребовалось Вилену, чтобы научиться свободно обращаться с этим незамысловатым, но весьма специфическим приспособлением. А тонкость здесь заключалась вот в чем: магистру необязательно выпускать заряд со всех колец сразу, а порою, это могло даже навредить делу: каждый начинающий воин Белого ордена был обязан уметь контролировать число одновременно активируемых печатей, флюиды из которых по проводникам устремлялись к толкателю, а уж из него вылетал силовой импульс. Вилен слабо представлял, какими магическими хитростями удастся такого достичь, но четко для себя уяснил, что один выпущенный в грудь заряд способен отбросить противника и, в крайнем случае, повредить ребра. При использовании всех пяти колец импульс запросто сминал латную кирасу или пробивал некрепкий силовой барьер, ничем не защищенную грудь и вовсе пронзал насквозь.

Внезапно, не более чем на мгновение, Вилен застыл, – его точно накрыло волной значимости момента. Все так же непоколебимый внутри, магистр вдруг осознал: он в шаге от высшего сана, на который может рассчитывать обыкновенный сын Империи, – нет, даже не сана, а скорее новой ступени жизни, привилегии, секретом которой обладает лишь Ил Гант, – неимоверно почетного и в то же время исключительно обременяющего, сковывающего без цепей; а уж ему-то, человеку, смиренно ожидавшему собственной казни, даже во сне не приходил подобный вариант исхода событий. И только продолжил он выстраивать собственную, начатую с самого первого дня тренировок магистра, восхваляемую им самим логическую цепь об устройстве внутреннего имперского соглядатайства, как тут же оборвал себя – «пора!».

Вилен взял со стола незаточенный одноручный, в совершенстве сбалансированный меч, который отличался от своего боевого аналога – не считая заточки – отсутствием главной составляющей, делающей их орден воистину грозой лэров и лэрэс, вернее, отступников всего Ил Ганта, – магической печати, при активации которой клинок разрезал практически любой силовой барьер. Однако на экзамене этого не требовалось, – магам здесь запрещалось использовать какую-либо магию кроме стихийной. Привычными быстрыми движениями Вилен рассек воздух размашистыми, но короткими по амплитуде ударами; совершил парочку пробных уколов.

Вдохнул полной грудью – «я готов!».

Не хватало лишь двух элементов экипировки Белого ордена: комплекта метательных ножей с теми же печатями, что и на мече, и символа безымянности святого воина – белой маски, без которой магистру запрещалось появляться вне стен цитадели, если отсутствовали специальные на то указания.

Вилен вышел на арену – круглая, окруженная высокими каменными стенами, диаметр ее был никак не меньше пятидесяти сажень. Дал глазам привыкнуть к солнечному свету. На противоположной от него стороне, в тени стены стоял парень – невысокий, сутулый, с темными волосами, несмотря на молодое лицо, он походил на старца в своей буро-коричневой мантии; на груди у него гордо виднелся герб одной из академий магов – торнадо, орудующее

в чистом поле. Накануне экзамена магистрам сообщили: их противники будут стихийными магами, использующими две стихии второго круга – лучшие выпускники Лэтворгской академии. Немного левее лэра уместился вкопанный резервуар с водой. Чуть поодаль от Вилена стоял сам экзаменатор, сочетающий в себе роль судьи – лик магистра скрывала маска, на плечах были нашивки отдела наставников, а на руках надеты сержантские зеленые перчатки этого отдела.

– Номер четыре, готов? – все тем же тоном, подходящим на звук барабана, спросил экзаменатор.

«Расстояние слишком велико, – прикинул Вилен, – толкателем нет смысла пользоваться, следовательно, выжу его стихии и сделаю вывод, как эффективнее сблизиться», – а вслух выкрикнул:

– Готов!

– Лэр Тармалиус, готовы?

Вилен разнес флюиды по всему телу: от макушки до стоп, от глазниц до кончиков пальцев ног, они заглядывали во все уголки его организма, – он чувствовал, как тело становилось легким, словно нематериальным, стоит оттолкнуться от земли, как воспаришь к небу; мышцы же, напротив, наливались кровью: Вилен ощущал каждую вздувшуюся вену, каждую напряженную жилу, каждое до предела натянутое мышечное волокно. Меч в его правой руке по весу стал не тяжелее пушинки. Сам мир вокруг преобразился! Звуки доходили отовсюду – шорканье сапог за дверью, отвлекающее пение птиц за стеной; зрение сделалось острым, орлиным – теперь он отчетливо различал испарину на лбу молодого мага, а краем глаза улавливал любое движение; в нос ударил букет свежесрубленной древесины и фиалок от духов мага вперемешку с резким запахом пота и тяжелым духом пыли. Само восприятие времени изменилось. Все вокруг замедлилось, стало плавным и легко уловимым. Вилен, несмотря на то что изо дня в день, в течение двух лет погружался в это состояние, так и не сумел привыкнуть к первым мгновениям после входа в него. Чувствовалось нечто опьяняюще-могущественное, – гордость за подарок и проклятие судьбы, сознание того, что вот-вот, через какой-то миг, ты обрушишь всю нечеловеческую мощь на – нет, не человека – создание Божье, которое по праву рождения на ступень выше тебя.

– Готов! – крикнул молодой лэр.

По спине Вилена пробежали разгоряченные мурашки озноба – странный контраст купающегося в крови берсеркера-горца и хладнокровия сиорданского фехтовальщика. Разум его точно дикий голодный зверь на аренах Халлии яростно бросался вперед, бился о решетки, выставленные реальностью, и, в кровь разбивая морду, снова и снова кидался на преграду просто потому, что все его неистовство, хищнические инстинкты требовали выхода.

– Начали!

Вилен сорвался с места и устремился вперед. В мгновение ока он уже преодолел половину пути до мага.

Тем временем лэр присел и коснулся ладонями земли – перед Виленом возникла стена затвердевшего грунта.

Слишком медленно! Он уловил ее взглядом, когда она только начала вырастать из земли.

Без труда перемахнув через нее, Вилен тут же выпустил два заряда силового импульса в мага. Бессознательное – усвоенное до инстинктов – знание того, что лэр второго круга просто не успеет укрыться с помощью земли, вынудит его прибегнуть ко второй стихии. Или проиграть, если она окажется огненной.

Но стихия оказалась не огненной. Заряд с дребезгом угодил в толстый слой льда, немедленно созданный из воды магом.

Как и полагалось против магов земли, Вилен несся вперед короткими шажками, дабы успеть среагировать, если лэр попытается предугадать момент соприкосновения ступни с грунтом и воспользоваться этим.

Он добежал до летальной для мага близости, и все готовился, когда в него полетит эта глыба льда, – рьяные тренировки позволяли ему без труда читать все движения мага, неосознанно понимать саму цепочку его мыслей. В любой момент он был готов обрушить на супостата все свое исступление. Вот сейчас...

Острая боль пронзила его правую ногу и сверкнула белой вспышкой перед глазами. Его нога до середины голени скрылась в узкой борозде, – стоило ему наступить, как тонкий слой земли осыпался, и он увяз в ней. Сразу же выпрыгнуть не удалось – лэр не промах – дно борозды оказалось треугольным.

Ледяная глыба незамедлительно полетела в магистра.

Моментально Вилен, крепко сжав меч в руке, пустил магические частицы в печать кольчуги – его окутал крепкий, напоминающий кокон, силовой барьер.

Громада льда отбросила Вилену назад и рухнула за ним, покатила, после – обратилась в воду.

Он только и успел сконцентрировать флюиды на лодыжке для послабления боли, как провалился в неглубокую, раскрывшуюся под ним яму.

Вилен устремил ноги назад вверх и руками оттолкнулся от земли, едва успев выскочить из захлопывающейся могилы. Приземлившись, нога его подкосилась – новая волна боли пронзила лодыжку. Шквал ледяных осколков уже летел в него.

Магистр прыгнул вперед, распрямил тело в идеально ровную струну и устремил полу-согнутую левую руку наручем вперед. Создал магический щит, – круглый полупрозрачный небольшой щиток, за которым уместилось все его вытянутое тело. Плащ-камзол ответил Вилену, какой маг будет бить оружием – надежно уберег тело от острых, задевших его осколков.

Вилен рухнул животом на землю. Щит пропал.

«Всегда следите за руками мага – они скажут вам, каким будет его следующий шаг», – прозвучало в рассудке Вилену. Лэр дотронулся одной ладонью до земли, а другую поднял вверх. Одновременно с этим Вилен перекатился. Грунт в том месте, где он лежал еще мгновение назад, с силой, подобной гейзеру, взорвался. Только сейчас, вскакивая на ноги, он осознал свою оплошность: «Земляная преграда тогда не случайно поднималась так медленно. Юнец, зная, как нужно передвигаться против мага земли, создал замаскированную борозду. Беги я обычным бегом – широкошажным – скорее всего не попался бы в эту ловушку».

Сжав зубы от боли, Вилен ринулся вперед зигзагами, непрерывно меняя свое направление.

Лэр слишком мастеровито для второго круга обращался с водной стихией. В Вилену поочередно полетели ледяные шипы со скоростью стрел.

На первую пару истратил два заряда колец.

От третьего увернулся.

Четвертый разрубил мечом.

Пятый – прямо перед носом – сбил ударом кулака, раскроив костяшки.

Не больше двух саженей разделяло Вилену и лэра – их взгляды скрестились, будто у двух разъяренных хищников. Слева от мага висел водяной шар. Еще мгновение...

Рубящий удар, устремленный в шею молодого лэра, обрушился на превращенный в лед шар.

Вилен, ожидая, что маг швырнет шар, и он просто не успеет уклониться, втянул шею и закрылся руками, прижав локти к груди, не выпуская меч из рук.

Но не тут-то было.

Лед превратился в воду. Она покрыла грудь и руки магистра – заледенела. Вилен успел лишь немного приподнять и развести локти в стороны. Попытался высвободиться. Но даже сверхчеловеческие силы магистра не помогли обрести свободу от толщи льда.

Истекающий потом маг плавно поднимал длани вверх – вторя им, воспарял и лед, скользящий Вилену.

Оплошность. Провал. Конец. Вилен осознавал, что вот-вот маг, управляя льдом, с силой бросит его о землю – перелома ног не избежать, и это в лучшем случае. Что ж, теперь он будет с Родом в равных условиях...

Нет!

Неподдельное остервенение заволокло его взор, – дальнейшее он почти не помнил, как то часто бывает в ситуациях, когда от твоих действий зависит вся жизнь.

Он находился на высоте не меньше четырех саженей от земли, когда, подавшись вниз, прогнув поясницу, резким движением выкрутил локоть. Хруст. Немой вопль застыл в его горле и, не найдя выхода, казалось, чуть не разорвал ему голову. Раскрытая ладонь с импульсатором устремлена в мага.

Последний заряд...

Импульс пришелся в пальцы правой руки молодого мага. Испутив крик, он зажмурился и скорчил гримасу, схватился за кисть.

Вилен полетел вниз. Каким-то непостижимым образом он успел перевернуться в воздухе и, рухнув на землю, сумел сделать кувырок, не переломав ноги.

Руки его по-прежнему были скованы, но меч оставался при нем. Вилен развернул его в пятерне острием вниз. Не обращая внимания на боль в локте и лодыжке, он сорвался в сторону мага.

Затупленное острие клинка застыло у горла лэра. Болевой стон с ноткой досады изшел от него.

– Стоп! – заорал экзаменатор.

– Победитель – номер четыре! Так распорядился Господь! – уже оказавшийся около них, объявил он. – Славный бой. А теперь убери клинок. А вы, лэр, перестаньте скулить и растопите лед.

Взгляд, напоминающий глаза удивленного и в то же время виноватого щенка, – вся гримаса лэра преобразилась, – Вилену показалось, что тот даже забыл о своих без сомнений сломанных пальцах. Тем не менее, маг никак не возразил магистру и – то ли от боли, то ли со страха – судорожно кивнул. Скупая улыбка озарила лицо Вилену: некогда грозный, пусть и молодой маг – суровое испытание для него – теперь походил на борзую, которая тут же прекратила лаять и виновато положила голову на лапы, как раздался голос недовольного хозяина. Воистину, так с лэром может разговаривать только магистр Белого ордена.

Экзаменатор повернулся и махнул. К ним подбежали ранее несшие Рода магистры наставнического отдела. Лед обернулся водой – Вилен облегченно развеял флюиды и тут же подкосился. Сердце его колотилось, болезненные ощущения в локте и щиколотке – ничто в сравнении со свинцовым, ноющим, разрывающим мышцы недугом, пронзающим все тело, затупляющим все органы чувств. Впрочем, этот недуг стал для него уже делом обыденным как неизменная плата за Силу; каждый магистр испытывал сродные ощущения после оттока флюид. Маги-врачеватели вновь и вновь поднимали магистров на ноги, дабы будущие белые маски могли с головой, не жалея собственного тела, вновь броситься в полымя тяжелых испытаний. Вилен прекрасно помнил, как первые дни падал в обморок после отлива магических сил.

– Идти можешь? – сухо обратился к нему один из магистров.

Вилен коротко кивнул в ответ.

– Как бы тебя там ни звали, наслаждайся своим именем, – бросил экзаменатор вслед ковыляющему Вилену. – Поздравляю. Завтра ты его лишишься навсегда.

Уже после, проходя через то помещение, откуда он вышел, безотчетно перекинувшись парой сдержанных слов с тем, кому еще предстояло испытание, под поздравления пяти магистров, ожидавших своей очереди в просторной зале, Вилену вспомнилась последняя фраза экзаменатора. И в невозмутимом доселе сердце заскрежетала горечь: невозможно лишить имени того, у кого его нет. «Конечно, – подумал Вилен, – сержант не фамильное имя имел в виду», – однако легче от этого не стало. Нематериальная потеря старых лет, детских лет, повернувшая русло жизни именно в том направлении и ни в каком иначе, – давно забытая, но изредка, точно вздувшееся тело утопленника, всплывающая из пучины разума горечь будет преследовать его до самой ночи, омрачая триумф.

Завтра он принесет клятву, получит нашивки белого меча на буром поле и его распределят в отряд ищущих. Завтра же он и получит первое задание на ликвидацию лэра-отступника. Впрочем, истинный смысл слова «ликвидация» ему предстояло только узнать.

Глава 3

Жил-был лэр. Мановением руки тучи грозовые разгонял, по воле его пустыня полем плодородным оборачивалась, – столь могучим он слыл. Столь мудрым, что даже вековые старцы в преклонении ходили у него совета просить. Но была у той мудрости и обратная сторона: вопрос один покоя ему не давал, и ни у кого совета спросить он не мог: как быть?

Лэр тот долгие годы горевал о потере – много лет как уж мир покинула любимая лэрэса его. И все могущество, вся мудрость необычайная бессильна перед смертью оказалась. Ибо смерть лишь самому Всевышнему подвластна. И принялся лэр безумешно молиться, днями и ночами в трансе богоугодном пребывать; все святыни и храмы в богомолье изъездил да богатства свои тем храмам роздал. А Всевышний молчал. Ибо таков вещей порядок.

Отчаялся лэр, обидой на весь мироустой воспыал; в сторону противоестественных чар взглянул. Вступил на путь богомерзкого колдовства, некромантией занялся. И будучи лэром от природы гениальным, быстро высот в темных искусствах достиг.

И нашел он способ воскресить лэрэсу любимую. И не было предела счастью его, как увидел прекрасный лик ее перед собою. Но попыталась лэрэса, не признала в нем некогда мужа любимого. Поняла цену, кою за жизнь ее заплатить пришлось, уразумела, сколько души безвинных загублено по прихоти было. Отвергнула дар богопротивный.

Взбеленился лэр – убил лэрэсу в порыве гнева неодолимого. Да не просто убил, а саму душу ее в клочья разорвал. Перестала лэрэса существовать вовсе.

И понял лэр, что натворил. И упал на колени. И взмолился о прощении. А Всевышний молчал. Ибо таков вещей порядок. В крайнем отчаянии лэр руки на себя наложил. И не простил Всевышний его – и по сей день душа лэра того в Бездне безграничной томится.

Ибо нет прощения тем, кто с душами играть смеет.

Предание о некроманте.

Загадай желание

– И я не знаю... – вздохнул Орен, сидя рядом с сестрой на скамейке меж садовых зарослей жасмина. Впервые за три дня он остался наедине с Нарией, впервые он решился рассказать ей о случае с Андором, и сейчас на душе полегчало, словно то событие, его гложущее, было чем-то осязаемым, видимым, от чего можно отломать ломоть и разделить его с любящим и понимающим человеком. – Правильно ли я поступил? Мне кажется, правильно. Только мне почему-то неспокойно. И Андор вроде не обижается. Все как раньше. А мне все равно как-то не по себе.

– Это грустно, это очень грустно... но, к сожалению, Оренчик, такое случается повсеместно. И этого не изменить. Не тревожься, братик, все будет хорошо, – говорила Нария вполголоса, постоянно озираясь по сторонам, особенно на террасу. – Все будет хорошо... Ты поступил достойно, мужественно. Как настоящий лэр. А люди... люди бывают разные. Не все такие, как ты, и не все, как Андор, – все мы разные. Ты сделал доброе дело. Но при этом пришлось окостерить стражника, пусть даже он того и сам заслужил, пригрозить другу. А может тебе неспокойно оттого, что вмешался, как тебе кажется, слишком поздно. Ты очень совестливый, и этого не нужно стыдиться. Совесть, как бы тебе сказать... это не плохо, хоть она порой и мучает нас

даже после добрых дел. Но без нее никак. Она помогает нам разграничивать добро со злом. Конечно, кому-то совесть позволяет вытворять такое... Ну, лучше не будем о плохом. Все люди разные. Главное, братик, ты у меня хороший.

– Я – маг... – томно произнес Орен.

Нария обняла его, прижала к себе и, прислонившись теплой щекой ко лбу брата, зашептала:

– Братик, вот скажи мне, если тебя ущипнуть, тебе будет больно?

– Конечно.

– И мне будет. Никому такого не говори, но... различия между нами... различие только одно: ты обладаешь Силой, а я нет. Но чувствуем и переживаем мы одинаково: от потери любимого рыдает как лэрэса, так и кухарка, боль чувствует как плотник, вlepивший себе молотком по пальцу, так и самый могущественный лэр. Все мы, Оренчик, в первую очередь, люди, а уж потом те, у кого магическая сила есть, а у кого ее нет. А все разделения – крайности. Крайности никогда до добра не доводят. Мы, наша империя – это еще не весь мир, не везде же такие разделения как у нас.

– Ты про Сиордан? – тихо заметил Орен.

– О Боже, что ты, конечно нет! Там все еще печальнее... Даже если половина из того, что я читала, правда, к магам там относятся хуже, чем к скоту. Это другая крайность – для примера она не годится. Можно привести... хм... ну вот Хари Шалиаф. Там вообще никогда никаких разделений не существовало. Да даже сейчас взять хоть бы какие-нибудь далекие края, вот, скажем, Шенгемир, Лониния, Трегатиния, Дершавель – я слышала, там уже разделений тоже никаких нет. В каком-нибудь Дор-Доре или Саре проводят реформы в этом направлении.

– Реформы? Это как?

– Ну, понимаешь, братик, когда правители понимают, что всё, так больше продолжаться не может, понимают, что мир не стоит на месте, постоянно меняется – и они хотят соответствовать изменениям, – ну там, законы новые вводят, устаревшие убирают, о благе людей заботятся и все в таком духе.

– А как же Халлия? Ты столько о ней рассказывала. Я думал, ты ее поставишь в пример. Или там тоже... эти, как их?... реформы проводят?

Нария мягко улыбнулась.

– Нет, Оренчик, Халлия интересна не тем. Там все неизменно с незапамятных времен и устроено по-другому.

– Да-да, я слышал: касты и все такое. Нам в школе рассказывали. Но там же рабство! А рабство – это варварство! – Орен решительно не понимал столь горячую привязанность сестры к тому месту. Он всегда с интересом слушал ее восторженные рассказы о Халлии и всегда недоумевал, почему они так различаются с тем, что ему рассказывали на уроках миропведения.

– О, мой милый братик, ты так многого еще не понимаешь... – Он ясно уловил печальную нотку, пробежавшую в голосе сестры, тоску в ее добрых глазах; он всегда распознавал это безошибочно точно.

Ему захотелось как-то приободрить Нарию, но слов не находилось.

– Но ты же поедешь туда... – И отчего-то ему самому стало грустно. – Значит, мы с тобой не будем видеться...

Нария тихо хихикнула. И этот легкий смешок показался Орену самым прелестным звуком, что может существовать в этом мире.

– Это будет только на третьем году обучения, – приглаживая непослушные волосы на голове брата, нежно утверждала она. – Да и то далеко не факт. Ты уже станешь большим, совсем взрослым. В академии магии учиться будешь. Возможно, даже свою лэрэсу или... или просто возлюбленную повстречаешь.

– Не надо мне никаких лэрэс! – смутившись, заупрямился Орен. – Я с тобой поеду! Будем там жить, всякие... древности разглядывать, и ни о каких этих крайностях и реформах не думать. Халлийский выучу! Честно-честно.

Нария рассмеялась искренне, звонко, обворожительно. «Так, наверное, не смеются даже самые прекрасные лэрэсы из детских сказок», – выражала улыбка на устах Орена.

Грубая, тонкая рука, впившаяся в волосы Нарии, бесцеремонно выхватила сестру из воображаемого мирка Орена.

За беседой они не заметили, как со спины к ним подкралась оголодавшая рысь, оголодавшая до слез дочери.

Нария, заключенная в мертвой хватке матери, резала сердце Орена вскриками.

Обескураженный Орен не раздумывая бросился их разнимать.

– Отпусти! Отцепись от нее! – кричал он, крепко схватив Даринию за руку и пытаясь отъединить от волос сестры. По возгласам мучений Нарии быстро понял, что причиняет ей еще большую боль. Сменил тактику – со всей силы пальцами сдавил материнскую кисть.

Наконец Дариния отпустила дочь и, оттолкнув Орена, немного попятилась. Смахнула оставшийся в руке клочок светло-русых волос.

– За что, мама, за что?! – согнувшись, ладонями закрывая лицо, рыдала Нариния.

– Какая я тебе мама?! Лэрэса мать! Вбей это в свою пустую голову раз и навсегда! – Дариния шагнула вперед и занесла ладонь над дочерью. Орен успел перехватить материнскую руку.

Она рывком высвободилась и продолжила вопить:

– Кто тебе, дрянь, позволил прикасаться к Клаунерису Младшему?!

– Он... – открыв обезображенное от налившихся кровью шрамов и слез лицо, пыталась выговорить Нария. – Он кричал, плакал. Тебя не было. Ти... Лэрэсу Тиру не нашла... Служанкам ты запретила...

Дариния подскочила к дочери и вновь вцепилась ей в волосы, рвала их и бранилась. Нария жалобно вопила. Орен бросился вслед за матерью, но ударился лбом о силовой барьер. Руки его тряслись, на глаза точно надели шоры. Раз за разом разбивал кулаки о почти прозрачную, но такую ощутимую для него стену, выкрикивал несвязные ругательства, оббегал с другой стороны, молотил ногами – все безуспешно. С каждой мольбой, с каждым новым завыванием Нарии ему все больше казалось, что беспощадные материнские руки вырывают клоки волос из его собственной головы.

– Вероломная тварь! – кричала Дариния, истязая дочь. – Ты мне так мстишь?! За всю мою доброту? Малолетняя курва! Я оставила тебя, воспитала! Хочешь, чтоб твой брат человеком стал? Ах ты погань заразная! Ты здесь жить не будешь! И об учебе забудь! Дрянь неблагодарная!

Орен отскочил назад – нечто дикое, животное, необузданное вконец завладело им: весь мир угас в коридоре мутного туннеля.

Небольшой по размерам, но неконтролируемый по силе сгусток пламени вылетел из его ладоней и угодил в барьер. Пламя распласталось по полупрозрачному куполу и исчезло вместе с ним.

Вопль! Не Нарии – Даринии! Дикий вопль. Ее волосы вспыхнули как смоляной факел.

Огонь развеялся.

Дариния повернулась к Орону; спазматически трясущимися руками ощупывала сильно опаленные волосы, выпучив глаза, усердно дышала. Затем ее ладони сползли на уши – мать скорчила болезненную гримасу и широко раскрыла рот, точно оттуда сейчас вырвется пронзительный визг, но не издала ни звука. Запахло горелым.

Орен стоял и с оцепенением глядел на нее, – не сознавал, не помнил, как такое случилось.

«Мама... – Орен сложил дрожащие длани лодочкой и зажал ими рот и нос. – Кто?.. Это я! Я! Что я наделал!»

Он взглянул на Нарию – та сидела на коленях и панически оглядывала его. Никогда прежде он не видел взгляд сестры таким: распахнутые, заплывшие от слез и ужаса глаза не задерживались ни на чем, окидывали Орена с ног до головы, разъяренные, перепуганные, непонимающие.

– Ты... Что ты?.. На мать!.. – задыхаясь от неистовства, пыталась выговорить Дариния.

Взгляд Орена помутнел от слез. Он зажмурился и побежал, просто рванул с места, перемахнул через каменный забор сада, – не понимал, даже думать не хотел, куда и зачем бежит. Стремился вперед, не видя дороги, не сдерживал слез. Не видел ни людей, ни домов, не слышал никого и ничего. Его нес вперед бешено трепещущийся в груди ступок, сдавливающий все внутри комком, и ничего кроме него не существовало! Весь мир в те мгновения ограничивался для него этим комком.

Опомнившись, Орен склонился в приступе удушья, опершись ладонями о колени. Беспорядочно идущие люди ненароком задевали его.

Отдышавшись, он выпрямился: толчея и выцветшие, поношенные одежды прохожих, слабый свет редких огненных фонарей, твердый грунт под ногами, ор, свист, смех и громкие переговоры вокруг, вонь пота, мочи, хмеля и чего-то еще, – Орен понял: он в нижнем кольце.

«Странно», – подумал он, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих. Не было того всепоглощающего чувства, какое всегда не давало ему покоя после домашних ссор, мешало спать и угнетало, будоражило сердце, окунало разум в пучину непонятных волнений. Стало как-то легко, спокойно; вернулись мысли, а вместе с ними и размышления, совершенно не присущие его беззаботному возрасту. Он слился с потоком людей и побрел в неопределенном направлении.

«Почему так на свете? Как мать может так ненавидеть собственную дочь? Мама, за что ты ее так? Какая в бездну болезнь может быть?! Люди должны помогать нам хранить гармонию, а не обслуживать; мы – маги – обязаны поддерживать гармонию в мире, а не разрушать ее. В школе каждый день об этом говорят. Нет, мы – люди! Все – люди! И все должны хранить гармонию! Но это разве гармония? Мама, я же знаю, ты можешь любить, ты умеешь заботиться. Ты же не всегда была такой... Почему ты так с Нарией?.. Зачем, сестра? Зачем ты так смотрела на меня? Я же за тебя вступился, помог... Нет! Не должен был я... Отчего, мама, ты так ее ненавидишь? Ты же сама спровоцировала меня! Прости, прости меня, мамуля... Прости меня, пожалуйста, прости, сестренка...»

Его размышления прервал чей-то едва различимый плач в узком закоулке между деревянными стенами домов. В памяти сразу всплыл образ рыдающей Нарии. Он завернул в закоулок – во тьме сидело человеческое очертание. Обхватив прижатые к груди ноги, очертание это уткнулось лбом в колени – оттуда доносилось хлюпающее рыдание.

«И какое мне дело?» – подумал Орен, развернулся, но, сделав пару шагов, резко повернулся и пошел напрямик к хлюпающему очертанию.

Он создал небольшое пламя над ладонью и подошел к, как оказалось, девушке с темными, сумеречными волосами. Она подняла голову. В ее заплаканном, изувеченном огромным синяком лице он узнал ту, которую спас от Андора; на распухшей нижней губе виднелась засохшая кровь. Сам не зная зачем, не находя даже слов утешения, он уселся рядом с ней и уставился на танцующее над ладонью пламя, отбрасывающее теневые копии себя же на стену. Стихия огня – единственное направление магии, которое ему истинно нравилось практиковать, и он делал в ней неплохие успехи. Вид языков пламени всегда помогал ему отвлечься, – они увлекали его за собой, затягивали в красно-желтые мерцающие переливы.

Ли́ра тоже оказалась не словоохотной и продолжала поскуливать. Постепенно плач сошел на редкие пошмыгивания. Так, молчаливо, просидели они несколько минут. Девочка заговорила первой, голос ее звучал на удивление умиротворенно.

– Зачем вы здесь?

– Не знаю, а ты зачем?

– Не знаю...

Вновь молчание. Нечасто маячившие в этой части города обыватели, проходя мимо, заглядывали в переулок. Особенно любопытными и долгими взглядами отличались мужчины, явно ожидавшие увидеть там что-нибудь непристойное. Правда взгляды их тут же обрывались, когда до них доходило, что пламя висит над ладонью Орена, и они спешно ретировались.

– Простите. Я забыла, как вас зовут.

– Орениус. Орен.

– Лэр Орен.

– Нет, просто Орен.

И снова тишина... если не считать какого-то раскатистого смеха вдалеке. Орен подумал, что возможно своими сухими ответами смутил Лиру, и придал мягкость голосу.

– Почему ты плачешь? И что у тебя с лицом?

– Вам-то что?

Орен собирался извиниться за бестактность, но Ли́ра опередила его.

– Простите меня, лэр! То есть не лэр. Орен. Я не хотела...

– Ничего страшного. Так... откуда у тебя это? – попытался дотронуться до синяка Орен, но сконфузился и тут же убрал руку, когда Ли́ра немного попятилась.

– Сегодня днем... – шмыгнув носом, робко проговорила она. – Ваш друг, тот, черненький, он... Меня взял под руку какой-то стражник, сказал, что нужно дать... показания по тому делу. Сказал, что я знаю по какому. Ну как я могла не послушаться? Он отвел меня в какой-то заброшенный дом. А там был он... Он... Я закричала, но стражник зажал мне рот. Вырывалась, а он сказал, ваш друг, что обвинит меня в... в посягательстве на жизнь мага и дом мой сожжет, и семью на виселицу отправит, если не угомонюсь. – Ли́ра уперлась лбом в колени и расплакалась навзрыд.

Орену не требовались подробности, что Андор там сделал. Всей душой он возненавидел его, представил, как сжимает его горло. Несмело приобнял Лиру – убрал огонь – тьма надежно укрыла их, – ощутил тепло ее тела, но не такое, какое исходило от Нарии, – чужое тепло.

– Не плачь, обещаю тебе, он ответит за все. И за это, и за фингал.

– Фингал... Все так плохо, да? Это не он, – тихо произнесла Ли́ра, подняв голову. Легонько дотронувшись до синяка, она продолжила: – Это папа. Когда я прибежала домой и рассказала ему обо всем – вот был его ответ. – Она снова пискливо зарыдала.

Это не укладывалось в голове Орена, и одновременно с тем было таким близким и понятным.

– А что мать? – задумчиво спросил он.

– А что мать? Что – мать?! Как вернулась с борделя... с работы, папа ей все рассказал. Она мне губу и разбила. Сказала, что я не должна была сопротивляться. Сказала, что я должна молиться Творцу, чтоб этот лэр посетил меня еще раз, и с завтрашнего дня будет учить меня обращаться с мужчинами. А сестры смеялись надо мной, говорили, что я полная дура – упустила свое счастье. Я не смогла этого вынести, понимаете, не смогла! Убежала из дома...

– Понимаю, – пробубнил Орен, откинувшись на деревянную стену дома.

– Понимаете?! Да как вы можете понимать! Вы – маг! Вы его понимаете, а не меня! – вырывалась из объятий Орена и яростно вскочила Ли́ра. – Простите, я не должна была вам все этого рассказывать, – сбавив тон, склонила голову она.

– Я в первую очередь человек! – заявил Орен и поднялся вслед за ней. – И Андор тоже человек! Только очень плохой.

Лира подняла на него растерянный влажный взгляд. Орен хотел закончить словами Нарии, но вовремя вспомнил о том, что сестра просила никому и никогда не повторять ее слов. Промолчал.

Повисла тишина, но уже, как показалось Орену, не отчуждения, а дружелюбия, понимания, сострадания. Орен и Лира – страдальцы по разные стороны баррикад – стояли и безмолвно смотрели в резко выделяющиеся белизной в полутьме глаза друг друга. Пояснять, почему он понимает ее, было бессмысленно, – Лира, казалось, сама все прекрасно читала в его взгляде; как и в ее глазах, словно в двух черничных озерах, отражающих звезды, выражалась вся ее жизнь.

До глубокой ночи ребята сидели в вонючем, захоластном закоулке, беззаботно болтали и смеялись, – и отступали все тревоги и печали, – до сей поры так откровенничать Орен мог себе позволить только с Нарией. Но в ту теплую ночь Лира заменила ему сестру.

Проводив ее до дома, Орен направился в верхнее кольцо, домой, с невообразимой легкостью на душе и решимостью в голове, со стойким намерением упасть на колени перед матерью и сестрой, извиниться и основательно поговорить.

Даламор. Трущобы, переходящие в двухэтажные хоромы, брань и толкотня на любой торговой площади, свежий, солоноватый морской бриз, который не в силах затмить дюжины гроссов гниющей под палящим солнцем рыбы в порту; бессчетное множество одноруких, одноногих, беспальных, одноглазых ветеранов, живущих на те гроши, что платит им стража за «глаза и уши», снующие от безделья дети, измотанные от нескончаемых заказов ремесленники, щеголяющая золотом армия купцов, орды пьяниц, существующих от кабака до подработки; нескончаемые потоки контрабанды, подпольное рабовладение, проституция вне публичных домов и, конечно же, непрестанно появляющиеся торгаши чадом. Говорят, Даламор никогда не спит. И сказать, что данное выражение далеко от истины язык не повернется. Всюду, от самого глухого закоулка до площади Восьми Арок, над многообразными крышами домов проносился шум и гогот, мужские и женские возгласы, детский смех и плач, воспевания богослужителей, проповеди, музыка и пение уличных бардов. Именно таким запомнился Вилену второй по величине город не просто Ил Ганта.

Он сидел в полумраке комнаты на скамье, обитой изысканной, не знакомой ему мягкой тканью, раскинув ноги на пестром ковре, который, судя по всему, стоял больше, чем в год получал легионный десятник; откинувшись на спинку скамьи и подавляя нарастающее раздражение от медленно стекающих капель пота под белой маской, мыслями он воспарил к тем двум годам, когда добросовестно служил сержантом портового отделения стражи внешнего кольца. Однако в голове его всплывал единственно светлый образ, – образ тридцатилетних, уже не молодых, но по-юношески гладких смуглых щек, едва затронутых тонкими морщинами. Правильное очертание маленького подбородка, слегка вытянутый нос, пышные графитового цвета волосы, спелые, налитые соком груди, слегка располневшие широкие бедра. Глаза. Их цвет, хоть и прожил больше года с Корией, Вилен не помнил, зато хранил в памяти ее узковатый, на южный манер, разрез глаз.

– Не спать! – хлопнув ладонями в перчатках, сухо приказал Сержант. – Проверь как там Кожник.

Вилен окинул взглядом сидящего напротив него командира. Он отличался от остальных трех магистров отряда бурого цвета перчатками и безусловной выслугой лет. Спешно подняв-

пись, Вилен подошел к окну и легонько раздвинул алые, почти не пропускающие свет портьеры.

Едва он развел их пальцами, как комнату наводнил мягкий луч света – последний, скользящий по украшенным крышам внутреннего кольца луч заходящего солнца, практически целиком спрятавшегося за чертой города. Особняк, в котором расположился отряд магистров, любезно предоставила им некая лэрэса Тамария Лэнгор. Да и как можно не предоставить, если просит кто-то из Белого ордена? Дом этот в качестве пункта наблюдения магистры выбрали неслучайно: располагался он прямо через дорогу от особняка, где жил некромант: величественный, двухэтажный, с высокой насыщенно-бордовой крышей из черепицы, с немалой по городским меркам, заключенной забором территорией. Он выгодно отличался ото всех и без того прекрасных, индивидуально декорированных домов. Что уж говорить, помимо роскошного сада на его территории находился даже флигель для прислуги. Переведя взгляд книзу, Вилен наткнулся на вальяжно расхаживающего стражника у ближнего края дороги – это и был магистр. Сержант поручил ему следить за домом, убедиться, что все члены семьи находятся внутри к моменту начала операции. Второй из магистров, Рубака, сидел на первом этаже на случай непредвиденных – пусть и маловероятных – инцидентов. Вилену же как новичку в отряде довелось остаться с Сержантом и изредка поглядывать за обстановкой на улице, а также следить за условным знаком – заходом солнца.

– Все в порядке, – отчетным тоном отозвался Вилен. – Кожник на месте. Солнце почти село.

Сержант не проронил ни слова в ответ. Вилен, тем не менее, продолжил озирать окрестности. Взгляд его не останавливался на чем-то конкретном, – скользил по широкой дороге, перескакивал от фонаря к фонарю, взбирался на разномастные декорации крыши и уносился в невозмутимую темно-голубую небесную гладь. «Ликвидировать...» – слово, услышанное на инструктаже в отношении мага-отступника, – нет, он и раньше знал, что обычно вместе с некромантом или предателем Империи ликвидируется и вся его семья как возможные пособники, или же потенциальные мстители, – теперь оно заиграло для него новыми, мрачными красками.

Впервые за столько лет – не сейчас, еще при обсуждении плана действий – его обуяло неприятное чувство, похожее на лень, но гораздо более глубокое. Чувство, какое возникает при сильном нежелании делать что-либо, но по-иному ты поступить не можешь. Когда руки, ноги, голова и вся твоя сущность бунтует, отказывается выполнять команды, и хотя сам ты понимаешь, что так правильно, поступить наперекор значит пойти вразрез здравому смыслу, клятве, выступить против безопасности Ил Ганта; вынужденные меры, вынужденная жестокость, вынужденные жертвы. Чувство, прекрасно знакомое и все же позабытое Виленом, – тягостная борьба между разумом, инстинктом самосохранения (нарушение приказа – дезертирство – смерть, или, как водится в ордене, «первая ошибка»), благоразумием и собственными эмоциями, принципами.

«Приказ есть приказ», – твердо уверял он себя. Усилием воли, выработанным почти за полтора десятка лет службы, он высвободил скапливающиеся сомнения, позволил им поглотить себя и отпустил их, развеял. Даже литание покоя читать не пришлось. Вмиг разум его очистился, а мысли ухватили новую, мирную нить. Лишь незначительная тяжесть на сердце напоминала о былой нерешимости.

Он предавался воспоминаниям, как будучи стражником, не раз заглядывал в проем ворот, ведущих во внутреннее кольцо. За два года он так ни разу и не попал за них. И теперь, видя весь обнаженный контраст внешнего и внутреннего кольца, чувства его приходили в движение, излучали неподдельное восхищение; однако нечто омрачающее затаилось в них. Невольная, своеобразная, тщательно скрываемая злость на лэров, банкиров, богатейших из торговцев, городских чиновников, функции которых ему представлялись смутно, занимала

его. И чем большая виделась ему разница между столпотворениями в узких грунтовых улочках и редкими, вальяжно расхаживающими персонами по широким мощеным дорогам, чем очевиднее разнился воздух, пропитанный зловонием, гулом голосов и звонкими отголосками мастерских со свежим, насколько это вообще возможно за высокими каменными стенами, свободным, легким духом внутреннего кольца, тем больше нарастал внутренний протест, недовольство. И недовольство то было неподвластным, необъяснимым даже самим Виленом, – он нисколько не питал ненависти к богатым и власть имущим. Его желчь скорее имела беспредметную направленность и никоим образом не требовала выхода. А потребуй – он мигом бы ее пресек, как пресекал и все остальные эмоции, мешавшие исполнению приказа.

– Сержант, – раздался сзади голос «стражника», – все на месте.

Вилен обернулся – перед ним стояли три брата-магистра. Он мысленно проклял себя: «Дерьмовые мысли! Проворонил шаги. Вдобавок Кожник даже успел переодеться. Очень профессионально».

– Действуем строго по плану, не разбегаемся. Первоочередная цель – взяр, остальные – второстепенные, но обязательные, – прочеканил Сержант, задержал взгляд на Вилене. – Никакой жалости, не забываем: все они не просто изменники – еретики! предавшие не только Империю, но и самого Бога!

Все выхватили мечи. Сила выпущена. Разум Вилене слился с мечом. Теперь он не человек и даже не магистр – карающий клинок Белого ордена.

К особняку они проследовали крестовой формацией: в носу шагал Сержант, по бокам шли Рубака и Кожник, замыкал построение Вилен. Железная калитка была открыта – магистры ступили во двор. Согласно плану налево отправился Кожник, проверять флигель, направо – Рубака, зайти со стороны террасы, а заодно оглядеть сад. Пробирались они гуськом, под окнами. Привратников не было – предупрежденные, они заблаговременно покинули посты. Сержант и Вилен легко, стараясь не создавать ни единого скрипа, перешагнули ступеньки крыльца и прижались к двери. Усиленный слух позволял составить картину происходящего внутри.

– Где этот проклятый цирюльник? – Властный, несколько сорванный голос женщины. – Что по яствам? Негоже ему на голодный желудок работать, напортачит еще.

Едва различимый скрип досок у двери, ведущей к террасе. Мимолетный звон посуды в обеденной.

– Не переживайте так, скоро будет. – Кроткий женский голос. – Утю-тю. Лэрэса Дариния, у вас такой замечательный малыш. Вы только взгляните на его улыбку.

Скрип досок. Стук в дверь, ведущей в сад. Вилен напряжился в ожидании команды, не спускал взгляд с Сержанта.

– Это еще кто? – Властный голос. – Дура, ты там? Глянь, кто там шныряет!

– Да, лэрэса мать. – Тихий, явно расстроенный голосок.

Звук открывающейся двери. Чуть слышный всхлип. Предсмертный всхлип.

Сержант коротко кивнул. Бесцеремонно отворил дверь и вскочил внутрь.

Следом залетел Вилен. В нескольких аршинах от него остолбенел седовласый мужчина с широко выпученными глазами, в руках у него был чайный сервиз на серебряном подносе. Выпад. Клинку Вилене понадобилось лишь легкое касание, чтобы разворотить висок мужчины. Лакей бездыханно рухнул, гремя сервизом.

Женщина в богатом платье с обожженными ушами и неровно обрезанными, короткими светло-русыми волосами, выставив руки вперед, воздвигла перед собой силовой барьер. Она закрывала им широкую лестницу, расходящуюся надвое и ведущую на второй этаж. Детский плач. Низкая темноволосая девушка с младенцем на руках забежала по лестнице и завернула вправо.

С кухни, куда вела дверь из обеденной комнаты, как гласил план здания, послышался крик. Тут же заглох. Работа Сержанта.

Со стороны террасы вылетел Рубака.

Барьер пропал. Лэрэса перевела взгляд на него, отвела руки. Еще мгновение – с ее пальцев сорвется заклинание.

Не сорвалось.

Лэрэса захрипела. Припала к лестничным перилам словно пьяная. Сползла вниз, скользя ладонями по балясинам. Наполовину погруженный в плоть метательный нож торчал из ее шеи.

«Не сиюминутная, но легкая смерть», – подумалось Вилену, подскочившему к еще живой, судорожно всхлипывающей кровью изо рта лэрэсе и достающему свой нож. Печать на нем действовала безотказно – клинок свободно прошел сквозь нательную магическую защиту.

– Ситуация? – востребовал Рубака.

– Сержант зачищает левое крыло. Наверх, в правое крыло забежала, по описанию, служанка-лэрэса с младшим сыном отступника.

Рубака немедля рванул наверх. Вилен – следом. В мгновение ока они оказались в правом крыле. Опрометчиво было оставлять левое крыло второго этажа без внимания, однако в то мгновение Вилену почему-то казалось иначе.

Мрак обширного коридора разбавлял огромный, на всю дальнюю стену, мерклый квадрат – витраж, задернутый плотными портьерами. Впрочем, для магистра темнота скорее союзник, нежели враг. Все было черно-белым, с зеленоватым оттенком, но хорошо различимым. Даже тот роскошный особняк, где отряд готовился к миссии, казался блеклой пародией с претензией на шик в сравнении с этими хоромами. По всему полу растянулся длинный орнаментный ковер, у драпированных узорчатой тканью стен стояли огромные писанные вазы и сурово-мраморные бюсты неизвестных Вилену людей, или магов; на самих стенах висели гобелены и картины, – его взгляд остановился на самом огромном – от пола до потолка – изображении.

Хотя Вилен никогда не был ценителем искусства, эта картина увлекла его своей, если можно так выразиться, объемной рисовкой, какую он доселе ни разу не встречал. На ней изображался некто мужского пола с мужественными, идеальными, внушающими страх и уважение чертами лица, черными, как сама Бездна, волосами, ниспадающими на плечи, а взгляд странным образом сочетал в себе юношескую дерзость и мудрую апатичность многовекового старца. Облаченный в непонятное – то ли вельможеское, то ли воинское – черное, под цвет волос, одеяние с багровыми вставками, он стоял на, казалось, выпирающей наружу горной вершине, героически поставив ногу на каменный выступ, с вытянутой вперед, приподнятой рукой. В его полусжатых пальцах сосредотачивалась вся мировая Сила. На заднем плане небо затянули черные, испещренные желтоватыми молниями тучи, и лишь над ним зияла расселина, из которой сочились слабые солнечные лучи. Некое труднопреодолимое желание изрезать в клочья, исполосовать это великолепное полотно овладевало Виленом. Рисунок был выполнен таким образом, что создавалось впечатление материальности нарисованного, будто стоит магу – а в том, что это лэр, у Вилена не возникало никаких сомнений – сделать пару шагов вперед, как он окажется в коридоре, рядом с магистрами. Всем своим видом маг как бы возносился над миром, требовал беспрекословного подчинения и в то же время внушал такой благоговейный трепет, что даже дотронуться до пальцев его ног в глубоком коленопреклонении было бы страшным преступлением. Картина заморозила Вилена: по необъяснимым причинам вызвала лютую ненависть, но своей монументальностью вдавливала в пол, не давая даже моргнуть.

Голос Рубаки вернул его в реальный мир.

– Впервые видишь его, да? – неуловимым для человеческого уха, но различимым для магистра шепотом произнес он. – Очередной портрет Этариуса. Со всеми такое происходит,

когда впервые его видят. Говорят, что сам его вид, даже нарисованного, вызывает трепет. А по мне так очередной магический фокус. Ладно, пошли, не будем терять времени.

Ступали магистры тихо, осторожно, предварительно проверяя на скрип каждую укрытую ковром доску. Вслушивались. За одной из дверей послышался зажатый чем-то плач ребенка. Они вошли внутрь.

Скрип двери магистры предупредить не смогли. Усыпанная угрями служанка, крепко зажимающая рот младенцу на руках, повернулась к ним. Маленький человечек протестовал – вовсю размахивал миниатюрными конечностями, точно опрокинутый на спину жук. Порыв ветра ворвался в открытое окно за спиной лэрэсы и взлохматил непослушные локоны. Отдельные волосинки прилипли к ее мокрому от слез лицу.

– М-мы же ничего не сделали... – дрожащим голосом прошептала она.

Непоколебимость Виленна словно превратилась в сдавливающую сердце руку. «Ликвидировать» – лаконично звучал приказ. Ликвидация подразумевает истребление виновных и всех возможных соучастников, всех, кто в перспективе может продолжить дело родственников или друзей, кто может решить отомстить, кто гарантировано останется безразличным к законному приговору. «Но что может продолжить, как может отомстить грудной младенец? – подумал Вилен. – Лишняя жертва. Справедливость нужна. Закон требует исполнения. Но законно ли убийство невинного ребенка? Не думаю. К тому же он и запомнить-то ничего не сумеет – его отдадут в приют; если проявятся способности – в приемную лэрскую семью, да и делу конец».

– Ты, или я? – донеслось бормотание Рубака из-под маски.

Игнорируя вопрос, Вилен обратился к девушке:

– Ты права. Только не ты, а ребенок. Он не может быть виновным. Положи его на кровать и прими свою смерть.

– Н-нет! – лэрэса лихорадочно мотала головой. – Пожалуйста... Я только служанка!

– Служанка или нет, а ты не младенец – рисковать нельзя! – холодно отчеканил Вилен. – У нас приказ. Ты умрешь в любом случае. Отпусти дитя!

Ужас на ее лице сменился смиренным мытарством, – слезы новой волной побежали вниз по щекам. Она покосилась на открытое окно и, тяжело вздохнув, быстро повернулась к нему.

В то же мгновение с места сорвался Рубака. Его клинок вошел в спину лэрэсы на уровне груди, по самую гарду. Вилен бросился за ним, хоть и понимал – младенец мертв.

Внезапно собрат развернулся и, отпустив меч, ударил кулаком по лицу Виленна.

Маска вдавилась и покрылась трещинами. Он упал на спину. На миг в глазах его помутнело. Слепая ярость захватила Виленна, но Рубака уже наскочил на него. Вдавлив колено ему в грудь, приставил нож к горлу. Силой мысли Вилен взял над собой контроль, скрестил взгляд с собратом.

– Идиот, – пробурчал Рубака. – Думаешь, мне приятно это делать? Недоволен? Скажи спасибо лучше! Я уберег тебя от первой ошибки.

Магистр слез с него. Вилен приподнялся и уселся на полу, уставился на лежащую замертво девушку: клинок поразил и ее, и младенца, – они лежали, скрепленные друг с другом мечом, скрепленные смертью. Быстрым движением Рубака вытащил его и вытер от крови о платье девушки.

– Я не скажу Сержанту о твоей выходке. Ежели такое больше не повторится. Не повторится ведь?

Вилен смолчал, не желая лгать.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь или двадцать девять. А может и все тридцать, – безучастно ответил Вилен.

Его взгляд был по-прежнему устремлен на истекающие кровью тела. Нет, он не испытывал жалости. Уже давно. Скорее ощущал горечь из-за бессмысленной жертвы и – пусть на мгновение – потерянного самообладания.

– Мне тридцать восемь, – отозвался Рубака, внимательно осматривая клинок на следы крови. – Я сдал экзамен уже как два года тому назад. И я не знаю, кем ты был до того, как тебя пригласили в орден, но послушай-ка мой совет: засунь в жопу все свои принципы, ты – оружие! Ты думаешь, для чего у нас забирают имена? Для чего эти сраные, хрен пойми из чего сделанные маски, из-за которых в зной изнываешь от пота, а в мороз поражаешься, какими они могут быть холодными? Они думают, что с именем лишают нас и души! Хер там! Ее мы должны вырезать из себя сами! Уж поверь мне, без этого здесь ты не приживешься. Я понятия не имею, какие демоны заставили тебя принять их предложение, но раз уж принял, раз не подох, когда всучивали магию внутрь, раз выдержал два года и сдал экзамен, слушай: ты либо убиваешь в себе свою сраную гордыню и рубишь тех, на кого тебе ткнут пальчиком, либо подыхаешь сам. Здесь тебе не легион, где ты волен проявить лишнюю мягкость или жестокость. Ты вообще больше не человек – ты магистр! Ты – наш собрат! Ты – воин Белого ордена! Ты – оружие! А оружию чужды и душа, и сострадание! Выставляя здесь свою человечность, ты ставишь под удар всех нас! И хвала Творцу, что мы еще вовремя подоспели, а эта тварь оказалась слишком трусливой, чтобы сразу сигануть в окно.

Магистр подошел к Вилену и, спрятав меч в ножны, присел на корточки.

– Ты же знаешь, что такое первая ошибка? Да ясно дело должен знать. Так вот, свою первую ошибку я совершил на первом же задании. Был прям как ты совестливым дураком и с напарником мне подвезло куда меньше, нежели тебе со мной. И поверь мне, врагу не пожелаешь такого наказания. А после него не будет никаких мер: любой проступок приведет к смерти. И твое безрассудство убило бы меня сегодня! Видишь ли, отступники, вопреки всем сказкам, селятся не в глухих лесах, не на Богом забытых болотах, а зачастую в густонаселенных городах, имеют семью, детей, занимают высокое положение и всякое такое. Хрен его знает, чего им в жизни не хватает. Но приказ есть приказ. Да что я тебя учу, яко сопляка зеленого. Сам все знаешь, что к чему. Думаешь, ежели это младенец, то ни в чем неповинный? Думаешь, в приют его запрут, он ничего не вспомнит, а даже ежели каким-то лихом узнает о своей родной семье, то уж точно по стопам не пойдет? Что вытаращился? Мнишь себя одного справедливым совестником, а все вокруг дерьмо зачерствевшее? Щас, разбежался! Думается мне, это просто назидание остальным, дескать, отрекаясь от Творца, вы тащите за собой всю свою семейку. Когда-нибудь ты поймешь, что это в каком-то роде справедливо.

– Справедливость в убийстве безвинных детей? – наконец заговорил Вилен. – Ты прав. Это не легион. Мне дико подумать, чтоб мой легион вырезал детей. Или чтоб стражники в назидательных целях искромсали десяток-другой малюток. Имел я такую справедливость.

– Видать, ты в легионе какой-то другой страны служил, – прыснул Рубака. – Смиришься еще, поверь мне. А ежели нет, то после первой ошибки тебя заставят смириться. Уж поверь, там таких крепких ломают... Ежели, конечно, доживешь. Сержант точно от радости плясать не станет. За провал-то он тоже в ответе. Ладно, подъем. Любись они в зад, мыслишки эти. Пошли, там поди наши уже все зачистили.

Рубака протянул руку Вилену. Он, немного помедлив, схватил ее и принял помощь собрата встать.

Спускаясь на первый этаж, они услышали внушительный по силе грохот. Магистры бросились в его сторону.

Тяжелая деревянная, окованная металлом дверь была нараспашку. Она сильно выбивалась из роскошного антуража. Магистры сбежали вниз по каменным ступенькам. Очутились в просторном подвале или, скорее, лаборатории. На полу, прямо у лестницы, лежал перекрученный труп Кожника: маска сломана, лицо точно искромсано тысячами лезвий, плащ-камзол

окрасился красным, из разрезов виднелись перебитые кольца кольчуги, пол под ним издроблен в крошку. Перед догорающим продолговатым столом стоял густобровый, светловолосый, высокий – без сомнений – Клаунерис.

С его пальцев вырвалась сжатая до непроглядности струя воздуха и угодила в Сержанта. Тот успел высвободить печать кольчуги, и его вместе с силовым барьером вжало в стену.

Отступник заметил магистров. В них полетел наполненный тысячами тысяч блистающих лезвий ветер. Вилен отпрыгнул назад вверх, на лестницу, скрылся из виду Клаунериса; Рубака – влево. Без промедлений Вилен вновь бросился вниз.

На его глазах Рубака изящно уворачивался от силовых импульсов, выпускаемых магом, которые с резким грохотом впечатывались внутрь каменной стены на добрую пядь. Но через миг высвободил печать. Кокон принял на себя череду молниеносных импульсов.

Сержанта заходил справа. Уже был на расстоянии удара, как его, подчиняясь жестам Клаунериса, подхватил порыв ветра и унес назад. До стены он долететь не успел. В то же мгновение взявшийся из ниоткуда еще более быстрый воздушный поток ударил Сержанту в бок. Тот отлетел в дальнюю стену и ударился головой. Остался бездвижно лежать на полу.

Отступник обернулся. Слишком поздно! Клинок Вилен уже летел к его шее.

Все произошло настолько быстро, что обычный человек не успел бы даже разглядеть. Меч, находившийся на расстоянии ногтя от шеи мага, отскочил и сломался. Отскочил так резко, что обычный человек даже не понял бы, что произошло. Столь стремительно и с такой силой, что – учитывая мощь хвата магистра, – несомненно, оторвал бы тому руку.

Благо Вилен не был обычным человеком. Его рефлексы безошибочны. Он успел отпустить рукоять. Сломанный меч, бешено крутясь, отлетел. Успел магистр также отскочить и увернуться от бесформенного, темно-прозрачного тумана, в котором виднелся антропоморфный размытый скелет, несущийся на него с замогильным, леденящим воплем. Вилен многое слышал на своем веку: крики матерей, рыдающих над трупами своих детей, выкрики мужей, пытающихся подняться на отсеченных ступнях, несравнимое ни с чем ржание умирающих лошадей, продырявленных стрелами, но такого – никогда! Любого бы человека этот вопль парализовал, но Вилен – не человек. Он успел уклониться от вопящего тумана – тот врезался в стену и развеялся.

Без сомнений, некромантская волшба.

Вилен упал на колени. Поток флюид оборвался. Он ощутил такую усталость, такую боль в мышцах, такое бессилие, будто целый год кряду непрерывно пил и тренировался одновременно. Антропоморфный, туманный скелет хоть и не коснулся магистра, но само его присутствие высосало из него все силы.

Невозможно увидеть смерть и остаться в живых – некромант уже направил в его сторону ладонь – Вилен не отвел взгляда. Он умрет с открытыми глазами!

И в его открытых глазах отразилась кровь. Много крови. Отразились ошметки плоти и костей. Послышался крик. Ужасающий, но такой привычный слуху крик боли.

Силовой импульс, выпущенный Рубакой, оторвал Клаунерису руку по самый локоть. Некромант, явно сведущий о свойствах оружия Белого ордена, не озаботился никакими силовыми барьерами и нательными защитами – кинетическая отталкивающая печать, которую ненароком активировал Вилен, позволила Рубаке застать некроманта врасплох.

Не раздумывая, Вилен выхватил метательный нож, – попытаться метнуть его в таком состоянии равноценно провалу. Пошатываясь и чуть не падая, он бросился к некроманту. Охваченный болью тот не успел среагировать – клинок вошел точно в сердце.

В момент последнего издыхания Клаунерис успел приоткрыть глаза – их взгляды сошлись. Сколько таких заупокойных, все еще хватающихся за жизнь, но в то же время примирившихся с собственной кончиной взглядов повидал Вилен. Они успокаивали, служили своеобразной наградой победителю, давали понять, что борьба окончена, всей своей умиротворен-

ностью как бы шептали: «Ты сражался достойно. Я проиграл». Он всегда восхищался этими последними мгновениями взоров, жизнь из которых уходила, – наивысшее вознаграждение, дань уважения убийце, победившему в честном бою.

Вилен проковылял к Сержанту. Тот был жив. Рубака уже приводил его в чувство. Общими усилиями они стащили с него плащ-камзол и кольчугу, стянули гамбезон. Пропитанную кровью рубаху порезали на лоскуты для перевязки ран. А раны внушительные. И без того изрубцованный торс был исписан порезами: от легких царапин до глубоких надразов; а ведь еще и руки и ноги кровоточили! Одно лишь лицо, судя по целой маске, оставалось нетронутым.

– Его нужно к городскому врачу, лучше к магу, – заключил Рубака.

– Подсобите-ка лучше встать, – неожиданно прохрипел Сержант и ухватился за плечи собратьев.

Магистры и не подумали возражать, – они аккуратно поставили Сержанта на ноги. Он заговорил глухо, то и дело прерываясь:

– Проклятые отступники. Но... это мы, нет, я допустил ошибку. Посчитал за обычный подвал. Пренебрег осторожностью. Мы оставили это место напоследок. Увидели свет из щелей, двери были заперты. Я приказал ему. – Сержант кивнул на мертвого Кожника. – Приказал вынести ее. Печать. Ублюдок оказался хитер. Видать, ждал нас. Кожник выбил дверь. Ветер взялся из ниоткуда. Я даже сообразить не успел: его просто понесло вниз, а там... откуда-то сверху на него обрушился этот... ветер – острый, что тысяча лезвий. Бедняга даже кольчугу не успел активировать. А я за ним... У вас что было? Чем вы, бездна меня забери, там занимались?! Почему так долго?

Сержант задержал взгляд на поломанной маске Вилена. Две темные, пронзительные точки, выглядывающие из разрезов маски, то цеплялись за места надлома, то впивались во взгляд Вилена. Надо сказать, Вилен никогда не умел скрывать чувства. Подавлять? Без труда. Но переживания всегда оставляли некую тень на его безэмоциональном лице, а быть может, его выдавали глаза. Недаром говорят: глаза – зеркало души, а Вилен никогда не был силен в лицедействе. Казалось, цепкий взгляд Сержанта читает всю картину недавнего происшествия.

– Ладно, – прохрипел он и мягко похлопал Вилена по плечу. – Всех ликвидировали?

– Без исключения, – подтвердил Рубака.

– Морда, – ткнув пальцем в Вилена, сказал Сержант. – Иди, осмотри столы. Эта тварь жгла какие-то бумаги, возможно, что-то не выгорело. Потом надо в ратушу. В таких городах там даже ночью кто-то должен дежурить. Нужно сообщить об утрате взяра, и чтоб в цитадель весточку отправили. А... – болезненно выдохнул он. – Еще проверить, все ли подошли. Но ты прав, сначала к врачу. ... не хочу помереть от обескровия. Скверная смерть. И да... надо бы нашего брата с собой забрать. Негоже телу магистра здесь валяться.

Пока Сержант говорил, Вилен перебирал огарки каких-то книг, сметал пепел, откидывал недогоревшие тряпки, осколки стекла. Нетронутыми остались комплект каких-то металлических пластин с синеватым отливом, золотая гравированная чернильница, кольца и амулеты с оправками под камни, и величиной с булавочную головку кристаллик, невиданный доселе Виленом. Яркий, с беловатой желтизной, отдаленно напоминающий смесь горного хрусталя и алмаза, он переливался легкими оттенками голубого, лаймового и малинового в зависимости от угла падающего света. Помня о том, с чьими вещами имеет дело, Вилен опасался дотрагиваться до чего-либо из этого.

Подожел к нетронутому огнем шкафчику, открыл. Множество полок – и все пусто. «Видимо и правда, ждал, – мысленно рассудил Вилен. – Заблаговременно подготовился. А пожар на столе – пыль в глаза».

– Ну? – спросил Сержант.

– Ничего нет. Один пепел и какая-то ерунда, – отозвался Вилен.

– Ерунда не ерунда, а найди, куда можно сложить все найденное. Отнесем это в цитадель – там уж разберутся, ерунда это или нет.

Из-под шкафа выпирал уголок грязно-серой ветоши. Резким движением Вилен выдернул тряпку. Вместе с ней в воздух взмыла пыль и лист бумаги и, качаясь, опустился на пол. Подобрал его, Вилен поразился качеством – белый, твердоватый, гладкий. Пробежался глазами по тексту. В бытность стражником он более-менее научился читать, но в написанном разобрал едва ли половину. Поднес лист Сержанту.

Мельком окинув текст, Сержант поднял взгляд. Казалось, он даже позабыл о своих ранениях. Прочел еще раз. Вдумчиво, медленно.

– Это как можно скорее нужно передать расследователям, – как-то рассеянно пробормотал он, аккуратно скручивая лист.

Орен остановился на высоком крыльце, обрамленном искусной деревянной балюстрадой, перед мрачной, обитой бронзовыми вставками дверью. С двери на него смотрело человеческое лицо, бронзовая гримаса карлика, осиянное слабо доходившим светом фонарей, бронзовые пятерни под ним зажимали массивный дверной молоток. Висящие по обе стороны от двери бра сливались с темнотой, не горели, как это было обычно.

«Спать все легли уж, и привратники, гады, куда-то запропастились», – выдохнул Орен, но войти не решился. Что-то тревожное охватило его, что-то удерживало на месте. Представление того, как посмотреть в глаза матери, сестре, реакция отца, который непременно узнал о происшедшем, – Орен развернулся и облокотился на перила крыльца, пытаясь совладать с собой.

Тишина. Ночная тишина; если не считать отдаленный стрекот сверчка где-то в соседских кустах. Каждый масляной фонарь окружали беспорядочно мельтешащие живые точки. Спокойная ночь. Теплая ночь. На безупречно черной, истыканной звездами, простыне из-за крылечного навеса выступал задумчивый полумесяц. Вдали сверкнул летящий огонек – падающая звезда. В детских сказках герои всегда загадывают желание при таком событии. Умиляющие воспоминания, детские воспоминания... Орену вспомнилось, как пару лет назад, сидя в саду с Нарией в одну из таких ночей, завидев падающую звезду, он бунтовал против детских замашек, когда сестра предложила ему загадать желание. «Боженька, пусть у нас все будет хорошо, пусть меня простят, пусть мама снова будет любить сестренку...» – пожелал Орен, закрыв глаза.

Тревога развеялась – от души отлегло. Он набрал в легкие воздуха и слегка отворил дверь, юркнул внутрь и неслышно закрыл ее. Впереди виднелось приключение: бесшумно прокрасться в комнату и улечься спать; а неприятный, но необходимый разговор отложить до завтра.

Его встретила тьма. Волнение снова вернулось к нему, но теперь некое общее, неопознанное – света в передней не было, – он не помнил ночи, когда спускался бы промочить горло или сходить в нужник, а канделябры внизу не горели. Орен осторожно ступил вперед. Доски на пороге предательски скрипнули. Он не удержался, создал небольшое пламя над ладонью. Скорчил гримасу отвращения – башмаком он, как оказалось, наступил в бесформенную лужицу чего-то багрового, липкого, почти засохшего.

Ужас поглотил сознание Орена. Воздух сделался вязким, витал неосязаемый аромат чего-то тошнотворного, неопишуемого, как в предрассветном кошмаре. Помимо воли Орен направился по широкому красному следу, уползающему от лужицы во тьму.

В углу передней, справа от лестницы, из-под длинной льняной материи выступал ровный ряд продолговатых бугорков с человеческими очертаниями; в самом углу лежал совсем уж

маленький бугорок. Орен онемел, в животе разливались холодные потуги – пламя над ладонью то вспыхивало, то ужималось до размеров огонька свечи, как бы от души хохоча над происходящим.

Орен сглотнул. Резким движением сдернул увесистую материю. Помимо слуг и Тиры в ряду лежали его отец, мать, сестра и младший брат. На месте правой руки Клаунериса была рваная культя. В груди у каждого зияла красная выемка, лишь у Клаунериса Младшего она располагалась на боку и у Даринии на шее.

Огромных усилий Орену стояло удержаться на ногах. Он зажмурился – изо всех сил пытался проснуться, пытался вырваться из трагического кошмара. Безуспешно: не мог отвести взгляда от мертвенно-бледных лиц, родных лиц, любимых лиц.

Нить с реальностью с треском рвалась. Он оказался у тела Нарии. Шрамы на ее лице по цвету сливались с кожей. Некогда пышущие жизнью сомкнутые губы, дарующие душевное успокоение, избавляющие улыбкой от всех тревог, теперь напоминали двух прижавшихся друг к другу земляных червей. Меж прикрытых век показывались узкие дуги белизны, могильной белизны закатанных глаз. Содрогающейся десницей Орен прикоснулся к ее холодной, одеревеневшей щеке. Он засмеялся, и смех его напоминал истерический плач, хоть глаза оставались сухими.

– Орен! – Ему словно дали пощечину. Слева раздался родной голос, голос Нарии, но не просто слышался снаружи, а разносился еще и внутри головы.

Он не отвел очей от бездыханной сестры, будто не слышал ее голоса.

– Орен! – настойчиво вскрикнул кто-то голосом Нарии.

Орена переколотило – резко повернулся на голос.

Перед ним стояла – или, точнее, висела в воздухе – Нария! – вернее, ее полупрозрачный силуэт. Лицо ее не выражало эмоций: ни томной радости от забавной истории, рассказанной Ореном, ни загадочной грусти во время молчания.

– Нет, Орен, это не сон, – ответил силуэт на его мысли. – И я не душа твоей сестры. Никакой я не дух. Прекрати задавать глупые вопросы – ты сам знаешь, кто я. Ты сам создал меня, неосознанно, – вот только что. Вернее сказать, я всегда был... или была – как тебе удобно – с тобой, и ты это знаешь. Перестань задавать вопросы, на которые сам можешь найти ответы... в глубине себя.

Орен ответил силуэту равнодушным взглядом. Развевал пламя. Боком втиснулся между мертвой матерью и сестрой, обнял Нарию. Прильнул щекой к холодному плечу – из его закрытых глаз потекли неуправляемые слезы, смиренные и обреченные.

– Послушай меня! – раздался строгий голос сестры, но не снаружи, а внутри. В голове. Словно ему подумалось чужими мыслями, или он сам влез в чужой разум. – Знаю, тебе тяжело. Но ты же сам все прекрасно понимаешь, не заставляй меня озвучивать твои собственные мысли. Ты знаешь, кто мог такое сделать. И знаешь, что и ты должен здесь лежать. Вставай! Потом погорюешь. Они могут вернуться!..

За дверью раздался отдаленный мужской голос. Два мужских голоса. Стук шагов на лестнице. Грубый хохот. Полоса тусклого света из дверного проема разрежала переднюю напололам и пропала за закрывшейся дверью. Скрип досок на пороге. Свет факела освещал двух мужиков: крепко сбитый, высокий, со сломанной переносицей и тянущимися от нее черными синяками под глазами стоял с миной презирающего все живое, справа от него сплюнул державший факел незнакомец; Олена передернуло от вида его заячьей губы, которая делила верхнюю губу на два уродливых обрубка.

– Послушался тебя, осла траханного, – ворчал высокий. – Пошли к портовым, по чарке пропустим, ниче не будет, а мне терь ходи-свети делом энтоким.

– Да не ной ты, заманал! Сам кабан, а яко баба разнылся! – снова сплюнув, ответил «заячья губа». – Буит те. Не дело на трезвую голову трупы таскать – а тут их валом, вроде как. Пошли дом обшарим, глядишь, не все еще стражники порастаскали.

– Те! Слышишь? Кто-то сопит.

– Спокойно, Орен... – прозвучал в мыслях голос Нарии.

Но Орен остался глух.

В мгновение ока он вскочил на ноги, метнул в неизвестных наспех созданную магическую конструкцию. Впрочем, «наспех» сказалося на качестве – огненный сгусток растворился в воздухе, не долетев до мужиков. Те покачнулись, отпятнулись, высокий громко выругался.

– За что?! Почему вы их?! – задыхаясь, вопил Орен. Второй огненный шар уже повис над его рукой.

– Дурак, ты что творишь?! – закричала Нария.

– Лэр, лэр! – в один голос взревели неизвестные.

Высокий упал на колени, склонил голову к полу.

– Лэр, мы ничего! Могилей матери клянуся! Ничего! Не жгите нас! – взмолился он.

Другой тоже встал на колени, но более сдержанно, спокойно.

– Милстливый лэр, мы не при делах! Мы люди подневольные, трупы таскаем токмо. Нам сказали – так, дескать, и так, надобно перетащить в мертвецкую – мы исполняем. Грамотой соответственной располагаем. – Он занырнул в потертую кожаную сумку и вынул помятый лист бумаги. – Во! Гляньте, коли хотите. А что да как не в нашей компинатэнции. Не знаем.

– Не знаем, – выпрямившись, стоя на коленях, замотал головой высокий.

– Вроде слышали, – продолжал «заячья губа», – белых рук работа. Ну, этот, Белый орден. Вроде как некроманты тут завелися. Вот они и постарались. Белые то бишь. Ну, это этот... трупы вспарывающий в мертвецкой нам сболтнул. А так мы больше ни-ни, ничегошеньки не знаем. Наше дело маленькое...

«Чушь! Абсурд! Чушь несусветная! – подумал Орен. – Бред полный! Вэяр Даламора будет заниматься некромантией? Мама, что ли? Чушь! А больше некому! Ошибка! Они все мертвы... Мертвы из-за чьей-то дурацкой оплошности!»

– Белый орден... Ну да, как ты и думал, – поразительно бесчувственно произнес появившейся справа силуэт Нарии. – Не беспокойся, они меня не видят и не слышат, я существую только внутри тебя. Понимаю, мыслить здраво сейчас тебе не по силам, так что слушай и делай в точности, как я скажу! И без пререканий! Спроси у них, всех ли убили.

Немного помедлив, Орен спросил.

– А мы почем знаем? – отозвался «заячья губа». – То бишь это, милстливый лэр, ну вроде как же белые пощады не знают. Коли одного в чем обвинили, так сразу все семейство... того.

– А теперь давай-ка пламя создай... Угу. Приведи в порядок конструкцию заклинания. Еще флюид туда. Вот так, да. Сконцентрируйся, не распускай! Точно в шар вливай. Не забывай о руне Дор. Так. Теперь скрепи все это дело – Дул-то. Угу. Нет, слабо! Можешь лучше! Давай-ка Дих-ол, сожми максимально, но аккуратно. Стоп! Хватит. Фиксируй. Да, проводником – пользуйся Тос. А то сейчас в руке рванет. Давай еще флюид внутрь, заполни шар. Помедленнее! Не забывай о рунах Сен и Нек. Дор-за – разогрей сильнее. Молодец. А теперь совмести Дих-да и Тис. Вот, прекрасно. Запускай в эту парочку. – Указания Нарии летели стремительно, быстрее мига в реальном мире, но отчетливо различимо разумом.

Орен застыл, не сводил взгляд с носильщиков трупов – те стояли на коленях, переглядывались и напряженно глядели на огонь над его ладонью.

– Ну же, Орен, ты же сам понимаешь – шансы есть. Шансы, что в суматохе о нас забыли. А эти двое – потенциальные свидетели. Убей их. Сожги здесь все! Убей – и беги отсюда. Слишком рискованно их в живых оставлять. Сам же этого хочешь, сам думаешь об этом, но стара-

ешься отстраниться. Не надо отстраняться – все правильно! Отыграйся на них. Представь, что это они заносят клинок. Бросай этот чертов шар!

Орен окинул взглядом семью... мертвую семью. Остановился на сестре, напрасно ожидая от нее совета, ожидая, что она сейчас поднимется, подойдет к нему, нежно улыбнется и заключит в ласковые объятия; ее очаровательные губки расплывутся в улыбке, на самом красивом лице в мире, между самыми прекрасными шрамами появятся морщинки искренности; прошепчет нечто вроде: «Ты не такой, любимый братик, посмотри на них – они же люди, как и ты; а разве может человек убить другого человека? Невинного человека». Но она лежала недвижно. Бездыханная и холодная. А какая-то самозванка пользуется ее голосом и несет то, чего сестренка никогда бы не сказала.

– Убей! Убей! Убей! Давай! Медлить нельзя! Сожги их, сожги здесь все – пусть думают, что пожар случился и твой труп сгорел вместе с остальными – и беги! Беги из города, пока можешь. Убей! Убей! Убей!..

Он развеял огонь над ладонью.

– Нет... ты не она, – осознавая свое безумие, тихо проговорил Орен. – Сгинь! – резко выкрикнул он. – Убирайся прочь! я не желаю тебя слушать! Убирайся! Не лезь ко мне в голову!

Мужики, недоумевающе переглянувшись, поднялись и бросились долой из дома, не захлопнув двери.

Орен метнулся вслед за ними. Не зная, куда и зачем, не думая ни о чем, он просто бросился бежать, – бежать как днем: просто вперед – и плевать, что будет. Теперь уже все равно.

Глава 4

Дул есть слиянье. Основа основ, первостепенная руна для постижения того, кой избрал овладенье Силы Всевышним данной предназначеньем существованья своего. Подчиненье флюид воли своей. Иначе изъясняясь, связь меж магом и его сутью магической. Маг обязан мочь сливаться воедино умом и существом своим с флюидами и подчинять воли своей.

Дул-сэ – яко зверь плотоядный кровь чует, так маг обязан флюиды чуют. Ибо руна она за чутье магическое в ответе. Главенствующим чувством магу должно сделаться, ибо что взор не распознает, ухо не услышит, а нос не уловит, то пред разумом мага предстанет, осязаемым сделается, ежели разум оный отверзет.

Суть Дул-то в фиксации. Хаотическая природа флюид велит высвободиться ото подчиненья всякого. Маг обязан обуздать саму природу магии, заключить флюиды в бездвижье. Яко сотник не может сотником называться, покамест в сотке коего своевольничество бушует, так и маг не может магом назваться, покуда по воле его флюиды собственные не замрут.

Выдержка из заметок Флюидиуса Кастара Первого «Подчиненье Силы». Приблизительно сотый год эры Близнецов.

Точка невозврата

Площадь Восьми Арок – самый крупный рынок Даламора – брала свое название от того, что вокруг нее сплошной каймой громоздились исключительно каменные постройки и внушительные, похожие на миниатюрные крепостные стены заборы, с высеченными в них восьмью широкими арками; никаких узких закоулков и ветхих деревянных изгородей – лишь просторные восемь арок с обязательными постами стражников. Все ради осложнения жизни любителей позариться на чужие кошельки.

Выходной день седмицы.

День выдался жарким, сухим. Солнце стояло высоко и светило ярко, немногочисленные перистые облака не осмеливались загоразживать его. А когда крупнейшая столичная площадь битком набита людьми, жара превращается в настоящий зной. Хмурые и оживленные, молодые и пожилые, разукрашенные в попугайские цвета дешевой косметикой и откровенно уродливые, снующие от павильонов к ларькам, от ларьков к лавкам, все исходили потом и безразличием ко всему, кроме поисков чего побольше да подешевле. Орды торговцев и перекупщиков дифирамбами подогревали интерес толпы к своим товарам. Вездесущие лоточники подсовывали закуски и выпивку буквально под самый нос, не оставляя шансов им отказать. На одном деревянном помосте глашатай вяло зачитывал прорывы Ил Ганта в хирургии и способах возделывания земли, на другом проповедник толкал пылкую речь о величии лэров и лэрэс и их невероятных усилиях по защите простого люда от кровожадных еретиков и безнравственных дикарей.

Потрескавшиеся кирпичи, коими была выложена площадь, нагрелись так, что отдавали жаром по ногам даже через башмаки. Трехуровневый карминовый фонтан облюбовала компания молодых девушек, изможденно распахивающих платья, на радость мужчинам и на зависть их постаревшим женам, открывали декольте впритык к границе дозволенного. Орен, натянув поглубже капюшон, сидел на одной из клумб, на прохладной земле, в тени условленного клена.

– Подходи, налетай, копчёности за полцены раскупай! – заманивал хриплым голосом толпу плотного телосложения торговец.

– Жирные свиные колбаски, нежнейшая шейная вырезка новорожденных телят, очищенные от потрохов куриные тушки – все по лучшим ценам! – кричал и размахивал руками его худощавый коллега и конкурент.

Живот Орена заурчал, протестуя против голода, против площади и толчеи, жары, несправедливого рока. Впрочем, самого Орена мало занимали протесты того, ведь в душе царила еще большая пустота, чем в желудке.

– Скупаю задорого всю домашнюю утварь в приемлемом состоянии! – вопил юный перекупщик.

– Нет, все-таки ты вконец рехнулся, – проговорила Нария в голове Орена. – Нас наверняка ищут, ты понимаешь это своей головушкой?! Я же знаю, что понимаешь. И вместо того чтобы убраться из города, ты торчишь здесь, голодаешь, еще и девчонке открылся! Она же из простолюдинов – такие родную мать за тригрош продадут. У тебя вообще мозги есть?! А если эта Лира придет не с едой, а со стражниками, или вообще с магистрами за ручку? Ты об этом не думал? Бездна! Зачем ты вообще к ней поперся? Нет, я понимаю твою логику – ийти некуда, хочется поддержки, все такое, она мало-мальски подкармливает. Ну ты же мыслишь, бывает, в правильном направлении, какого дьявола поступаешь совсем не так, как нужно? Сам же понимаешь, что теперь придется ее убить, в случае чего...

Орена передернуло. Голос, звучавший в голове, казался таким родным, реальным, сестриным, но в то же время слова, произнесенные им, давали отчетливо понять, что это не Нария.

– Заткнись! Не стану я этого делать! Почему ты... существо, взяло ее обличье?! Она никогда бы такого не сказала! Заткнись, не порочь ее!

Люди, проходящие в тот момент около Орена, удивленно оборачивались. Кто-то помоложе простодушно хихикнул. «Таков сопляк, а уже на башку калека. Куда мир катится...» – пробрюзжал кто-то постарше. Орен потупил взгляд.

– Не ори! Ты привлекаешь внимание! – повелительным тоном проговорила Нария. – Я прекрасно слышу твои мысли. Сколько раз тебе повторять – говори со мной с помощью них.

Он исподлобья, с искрометной ненавистью взглянул на явившийся перед ним полупрозрачный силуэт Нарии.

– Смирись и привыкай, – не обращая внимания на его враждебность, размеренно говорила она. – Не я взяла ее внешность – ты сам хочешь видеть меня такой, но признаться в этом себе не хочешь. И не пререкайся, я тебя знаю лучше, чем ты сам. Уж поверь. Потому как я это ты, а ты это я, мы неразрывны. Мой разум – твой разум, мы одно целое и всегда были вместе. Просто раньше между нами стоял барьер, а то... событие его стерло. Орен, твоя сестра мертва. Отец, мать и брат тоже. И ты должен был лежать там, в один ряд с ними. Но ты сидишь здесь. Живой. Пока живой. У тебя не осталось никого в этом мире, кроме себя... кроме меня. Умрешь ты – умру я. А я умирать не хочу, потому как и ты сам того не хочешь. Только скорбь затуманивает твой разум, мешает мыслить здраво. Ты заключаешь себя в какие-то идиотские рамки, пытаешься им следовать, боишься ответственности. Ответственности перед совестью. Только вот совесть – это не панацея, а проклятие. Проклятие коварное, добровольное. Тебе кажется, что ты поступаешь правильно, а на самом деле загоняешь нас в могилу. И где-то в глубине разума ты сам насмехаешься над той чушью, что несла твоя сестра. Выжить – вот приоритетная задача, остальное – посредственно.

– Замолчи! – подскочил Орен и яростно попытался отвесить пощечину полупрозрачной Нарии. Капюшон слетел – рука пролетела насквозь. Нария исчезла.

Добрая треть площади обернулась на него, но быстро возобновила беспорядочное шествие. Из толпы выбежала Лира с небольшим тканевым мешочком в руке. Схватила Орена за руку и увлекла за собой.

Они просочились сквозь толпу, словно опарыши сквозь известную субстанцию, пробежали через арку, ведущую на улицу, название которой Орен не знал. Оттуда вышли в квартал мастеров древесных дел. Не в пример площади Восьми Арок квартал пустовал: лишь четыре омытых потом детины, бранясь и плюясь, разгружали две телеги, доверху набитые брусьями и досками; худой надзирающий бранился еще горячее, подгоняя работников; опершись плечом на распахнутую дверь мебельного магазина, за этим делом наблюдал седой мужчина и беззаботно потягивал трубку с табаком. Ребята завернули в один из переулков и долго лавировали меж нескончаемых домов. Наконец выбрались на храмовую площадь имени Ионна Симпенция, пробежали по замызанной белой плитке и, миновав еще пару улиц, шмыгнули в осунувшийся одноэтажный дом, или, вернее сказать, хибару.

Мебель внутри отсутствовала от слова полностью, даже доски в заколоченных окнах и те местами выдернуты, зато присутствовали слои пыли на местами проломанном полу, горы паутины в каждом углу, поселения маленьких бледных грибков и стойкий запах сырости и крысиного помета. Темноту прорезал солнечный свет, влетающий из неисчислимого множества щелей в стенах и потоке.

– Фух, располагайся! – пытаюсь отдышаться, сказала Лира. – Местечко не ахти, зато здесь, в отличие от прошлого места, вроде как никакие бродяги не слоняются. Поговаривают, тут призраки какие-то водятся. Но ты ж маг... в смысле человек... ну, человек-маг – духов страшиться не должен. – Она протяну перевязанный тонкой веревкой мешочек. – На вот, поешь. Немного, но больше не смогла из дому вынести.

Орен вынул из мешка деревянную баклажку с водой, внушительный ломоть ржаного хлеба, заплесневелый кусочек сыра и даже тонкую полоску вяленого мяса. Расстелил на полу мешочек и разложился на нем, и жадно набросился на еду.

– Лир... – выговорил Орен с набитым ртом.

– М?

– Я ненавижу тебя, – прожевав, закончил Орен. – Ненавижу за то, что не даешь мне с голоду помереть.

Лира тихо, но мило хихикнула.

– Спасибо...

– Да ладно, было бы за что. Ты ведь мне помог, заступился, привел в чувство тогда... Как я теперь могу тебе отказать? – Лира, улыбнувшись, присела на пол вплотную к нему. Орен почувствовал тепло ее тела у левого плеча. – Я... я понимаю твою горе, сочувствую тебе, правда, сочувствую! Но я тут, в общем... обмозговала. Ты же не можешь вечно бродяжничать, ну там... о будущем думать надо. И вот... мой папа кожевничеством занимается, в цех какой-то недавно вступил, а там сейчас заказов уйма. Я как-то подслушала, что он говорил маме: не справляется, а подмастерья-де толкового найти не может: то алкаш какой, то... попарук. Ну и я тут подумала... – Лира отвела взгляд, ее щеки покрылись налетом румянца. – Может я как-нибудь тебя бы привела. Ну, домой. И попросила бы, чтоб он тебя в цех взял. А ты бесплатно работал... Со мной... в смысле у нас бы жил, кормился, а денег не брал.

Орен чуть не поперхнулся от такого предложения.

– А девчонка-то без ума от тебя, – пронесся в голове насмешливый голос Нарии.

– Прости, – закусила губу Лира. – Я не настаиваю... Просто думала, что так тебе будет легче... ну и мы будем...

– Нечего тут думать! Бежать нам надо, бежать! – возразила Нария.

– Я подумаю, – вслух ответил Орен и, содрав ногтем плесень, откусил кусочек сыра. – Дай мне время. Да и, понимаешь, не все так просто... Слушай, а откуда ты такая умная? У тебя и говор как-то отличается от...

– От простолюдинов? – улыбаясь, закончила Лира. – У меня в школе есть уроки грамотной речи. Папа денег накопил и меня год назад в нее отдал. Да и вообще у меня семья не шибко-то бедная. Вон, видишь, мясо едим. А еще нам о лэрах много рассказывают...

– И фто рафкафывают? – по-хомячьи набив щеки хлебом, сыром и мясом, спросил Орен.

– Да много чего. Ну, например, что гармонию поддерживаете, что вы избранники самого Всевышнего, ну, то бишь с его частичкой родились, что мы вам помогать должны и бесп... бесприсловно подчиняться. И что это наш долг. Что вы умные и благородные, что несете законы Творца в наш мир. Да только... – Лира помедлила, закусил губу. – Только я пока встретила единственного умного и благородного лэра... Ну, то есть не лэра. Тебя, в общем.

Орен широко улыбнулся, с набитым ртом это наверняка выглядело забавно, потому как Лира тоже улыбнулась. Она протянула руку к его лицу – одним большим глотком Орен проглотил ком еды, ощутил, как ее мягкие, будто первосортный бархат пальцы легонько стирают крошки с его губ. Ее взгляд был направлен прямо на его губы, – Орена затягивала черничная глубина ее глаз, манила, против воли притягивала к себе. Все переживания, воспоминания и волнения уступили пылкости, волны расслабляющего тепла переливались из груди к низу живота. Он ощутил, как все ниже пояса приятно напрягается, пестрит непреодолимым влечением. Словно в забытьи его губы алчно насыщались страстью, теплом и мягкостью губ Лиры, гибким языком, желающим побороть его собственный язык. Упругие маленькие бугорки прижались к груди, – они отличались от эластичности его сестры, в безмятежности которой хотелось утонуть и отстраниться от всего внешнего мира. В бугорках Лиры никакой безмятежности не было, напротив, они разгорячали еще сильнее, сводили с ума, отзывались самым приятным из всего, что доводилось держать в ладонях Орену. Свободная от бугорка рука обвила ее талию, тонкую, желанную. Под влиянием непреодолимого позыва он сам не понял, как очутился над ней, над Лирой, лежащей спиной на полу. Ее взгляд... ее черничные глаза искрились влагой желаний, требовали действий.

Дверь распахнулась. В комнату брызнул яркий свет. Кровь резко отхлынула от таза и прильнула к голове – Орен непроизвольно отскочил. Лира приподнялась, спешно застегивая тонкую блузку. Внутри ступил тот, кого Орен никак не ожидал здесь увидеть...

Девушка, проследовавшая за Андором, на голову высилась над ним. Тем не менее лицо ее было юношеским, как у Лиры, а вот фигуре позавидовала бы любая спелая женщина.

– Вы не проговаривались, что с нами еще будут. Не, ну я-то не против, не, ну предупредили б хоть, – обвившись вокруг руки Андора, пропищала девушка.

Андор резким движением высвободился из ее объятий.

– Пошла отсюда. Быстро! – проговорил он, точно увидел призрака, не отрывая взгляд от Орена. – Быстро вон! И дверь закрой за собой!

– Твою ж... говорила я тебе – беги из города! – раздался голос Нарии.

Бывшие друзья не отрывали взгляда друг от друга, напряженно ожидая первого шага.

– Какого... какого ты жив? – сделав шаг вперед, натужно ухмыльнулся Андор. – Ну да плевать. Недобитышь, ха-х! Ну и лицемер же ты – мне не давал, а сам с этой шалашовкой развлекаешься. Не по-дружески это. – Его улыбка стала естественной, какую Орен привык видеть, но сейчас она казалась особенно гадкой.

Андор, не стесняясь, сделал еще пару шагов вперед, окинул взглядом комнату.

– М-да. Так вот где теперь живет сын бывшего вэяра... Или бывший сын вэяра, как правильно сказать? Ха-х! Чего ты на меня так уставился? Не так приветствуют друзей, или ты совсем тут с людишками одичал? Нет бы предложить другу... что там у тебя? Ржаной хлеб? Фу! Нет бы, предложить разделить... нашу общую подругу. – Лира скрипнула зубами. – Поскрипи мне еще, человечиска! Побереги зубы, ненавижу беззубых. А поскрипим мы с тобой еще в другом месте. Ты как, Орен, не против же? Ха-х! Еще бы ты был против! Твой отец червей кормит, а мой... А! Кстати. Где мои манеры? Я ж тебя поблагодарить должен за папашу-некрманта.

Спасибо ему за то, что сдох, – со дня на день масрэал нового взяра назначит. Угадай, чей отец им станет?

«Некромант...» – мысль об этой лжи заполонила разум Орена.

– Не слушай его болтовню. Я знаю, о чем ты думаешь. Не вздумай! – закричала Нария.

Орен слушал молча, все больше свирепея с каждым его словом, сжимал кулаки, – голос, ухмылка, слишком ровные черты лица казались ему самым ненавистным, что есть в этом мире, словно это Андор убил его семью. Он жаждал погружения в то состояние, когда голова становится пустой, а тело делается легким, неподконтрольным. Но оно все не наступало.

– А вообще, забавно все это, – медленно подходил все ближе Андор, но, глянув в глаза Орена, почему-то осекся и остановился. – Даже твою сестру-уродца прирезали, а тебя нет. Получается, тебя даже убивать побрезговали, – фальшиво рассмеялся он. – А, не-не, точно! У тебя ж чуйка на собак. А они типа белые псы. Ну ты понял, да? Ха-х! Ладно, в знак нашей дружбы можешь посмотреть, как я эту потаскушку имею. – Андор указал на побелевшую от ненависти и страха Лиру. – А потом, если скулить не будешь и ее уговоришь не рыпаться, возможно, и тебе дам ею попользоваться. Ну а после мы все друженько отправимся в ратушу, и разойдемся по своим делам: я обедать пойду, ты – в яму к своим родственничкам, а ее на площади Слёз вздернут.

Орен подскочил, с его пальцев сорвался заранее заготовленный конусообразный поток пламени. Как оказалось, Андор тоже был готов. Взмахнул руками – порыв ветра перенаправил огонь на Орена.

Он заслонил лицо руками. Спешно потушил оставшийся на рукаве огонек. Раздался вопль Лиры, но Орен остался глух. Точка невозврата преодолена – теперь существует лишь он и бывший друг, олицетворяющий в себе все мировое зло.

Андора не было. Яркий свет струился из распахнутой двери. Орен выскочил на улицу.

Но там его уже поджидал Андор. Орен только и успел скрестить руки на груди, прежде чем силовой импульс сбил его с ног. Упал он на спину.

– В сторону! – крикнула Нария где-то на задворках его разума.

Не раздумывая, Орен перекатился вправо. Воздух мощным кулаком обрушился на то место, куда он упал. Вздыбленная пыль ударила Орена в глаза, набилась в уши.

Зажмурившись, он подскочил и, беспорядочно размахивая руками, расплывал раскаленные сгустки флюид вокруг.

– Успокойся! – пролетел в мыслях голос Нарии. – Выдохнешься! Поставь барьер и протри глаза!

Он попытался заготовить заклинание силовой стены, но не успел. Сильный порыв ветра отбросил его назад. Орен отлетел, рухнул на землю и пару раз перекрутился.

Приподнялся на коленях. Шею дико ломило, вся спина отзывалась болью, в рот набилась пыль, но это мелочи. Сквозь влажную пелену он увидел бегущего на него Андора. Над ладонью того виднелся плотный комок с бушующими смерчами внутри.

– Силовую стену! быстро! – вскрикнула Нария.

Но вместо этого Орен бросил в неприятеля огненный шар.

Андор успел отскочить – хотя это было необязательно: шар рассыпался на тысячи искр, не долетев до цели – метнул воздушный сгусток. Орена повезло – сфера со смерчами со свистом пролетела у его уха и разорвалась о землю позади. Его подхватил поток ветра и засосал внутрь разрыва. Он скрылся в столбе пыли.

– Закрой глаза и готовься! Заготовь огненный шар и жди! – скомандовала Нария.

Орен, быстро поднявшись на ноги, так и поступил. Долго ждать не пришлось. Ветер, выпущенный Андором, унес за собой пыль. Орен открыл глаза и быстро метнул во врага огненный сгусток. Надежно сконструированный шар.

Точно в цель!

Огонь ударил по груди Андора и объял облаком пламени.

Нательная защита. Этого ни Орен, ни Нария ожидать не могли – такому учили только в академии. Огонь исчез, ни ожога не оставив на теле Андора.

Бывший друг взмахнул ногой. Орен не успел среагировать – воздух ударил по ногам. Лишь рефлекторно выставленные руки не дали ему разбить лицо о твердый грунт.

Андор занес руку.

«Конец», – пронеслось в голове у Орена.

На спину Андора накинута визжащая Лира. Силовой сгусток, непременно бы снесший Орена голову, сорвался с ладони недруга. Пронесся мимо – над его головой. Сзади донесся чей-то истошный вопль.

Андор присел и извернулся, толчком освободился от захвата Лир. Отпрыгнул назад. С вытянутых им вперед ладоней сорвался ветер, подхватил Лиру и отбросил на несколько саженей назад, ближе к людям. Только сейчас Орен заметил обступивших их с обеих сторон улицы многочисленных зевак. Которые, впрочем, держались на почтительном расстоянии. Мелькавшие в толпе стражники не осмеливались вмешиваться.

Андор, точно забыв о противнике, опустил руки. Орен не преминул воспользоваться замешательством: совместил в шаре пламени огненный взрыв и силовой разрыв, надежно скрепил конструкцию, – получилось самое сложное из известных ему заклинаний; при недостаточной сноровке запросто могущее в лучшем случае оторвать руку незадачливому магу.

Опомнившись, Андор развернулся к оппоненту. Поздно! Нестабильный сгусток за долю мига разорвал его тело на мелкие кусочки. Розовые и красные опаленные ошметки разлетелись по дороге, угодили в стены домов, долетели даже до Орена. Толпа с обеих сторон улицы в одно дыхание охнула и затихла. Голова по траектории плюхнулась на крышу и скатилась вниз, упав меж двух домов. На месте, где стоял Андор, остались лишь похожие на червей бесформенные остатки ног да изорванные части внутренностей, лежащие в огромной алой кляксе, смешавшейся с пылью.

Затмение ярости уступило прозрению рассудка.

Убийца...

Лира пыталась приподняться на левом локте – взвыла – правая рука не работала – вновь рухнула лицом в землю. Больше не шевелилась.

Толпа позади нее беспокойно перешептывалась, между людских плеч замелькали направленные на Орена арбалеты, он обернулся – сзади та же картина.

Отчаяние подкрадывалось к его горлу, страх и отчужденность сжимали грудь, перехватывали дыхание.

«Лира!» – разум словно кинул Орена якорь, не дающий уплыть от расплывающейся реальности.

Он рванул к Лире. Хотел рвануть. Но остался недвижимым. Все тело невероятно ломило, а отдышка была такая, точно он пробежал десять верст.

– Ее уже не спасти. Соберись! Барьер! – быстро пронесся в мыслях голос Нарии.

Из последних сил Орен заключил себя в силовой кокон.

Выпущенные из арбалетов болты со звуком отскочили от него. Ноги – цель стрелков. Ни один простой человек не осмелится убить мага, пусть и отступника.

– Беги! – скомандовала Нария. – Беги к воротам! Быстрее!

И Орен побежал, поддерживая купол. Болты вновь и вновь отскакивали от него – каждый удар в купол колоколом отзывался в его голове. Раскаяние, трепет и усталость всегда отходят на второй план перед жадой жизни. Бежал он в сторону толпы, пробежал мимо неподвижно лежащей Лир, стараясь не замечать ее. Люди в панике расступались перед ним, отскакивали, рассеивались, расталкивали впереди стоящих, а те, в свою очередь, других, лишь бы

не попасться на пути свихнувшемуся ренегату. Арбалетчики либо присоединялись к хаотичной давке, либо увязали в ней. Упавшие, так и оставались лежать под ногами толпы.

Завернув на другую улицу, он развеял барьер – из носа хлынула кровь, – валился с ног, но продолжал бежать. На его счастье, паника не дала стражникам быстро среагировать, а Западные ворота, ведущие из города, находились буквально через пару кварталов.

Уже за городскими стенами он услышал отдаленный звон колоколов, услышал скрежет стремительно опускающейся массивной решетки, предшествующий медленному закрытию самих ворот.

Орен спотыкался, стесывал в кровь ладони и колени, вставал и мчался под бойкие команды Нарии. Бежал, оставляя позади прошлое, убегал от настоящего и даже думать не хотел о будущем. Он сделал все от него зависящее, чтобы погиб единственный добрый к нему человек, – все для того, чтобы окончательно утвердить себя врагом Ил Ганта, – приложил все усилия, дабы перечеркнуть все пути благополучного исхода.

Уже потом Орена, изнеможенного и голодающего, скитающегося по лесной глуши, события этих дней раздавят как оползень и похоронят под собой, и будет погребен его разум бесконечно тянущимися седмицами внутренних печалей и внешних невзгод.

Глава 5

Дверь

Аэрон раскинулся в изысканном кресле напротив камина, недовольно потрескивающего от сырой древесины. Мягкое мерцание разливалось по орнаментным коврам, расписным фарфоровым вазам, отражалось во внушительном бюсте Этариуса из горного хрусталя и выхватывало из тени рабочий стол из красного дерева. На маленькой столешнице в углу дымили кофейные благовония. Откинув голову на мягкий подголовник, он потягивал сладкое халлийское вино из золотого, обрамленного рубинами кубка. Внезапно пришедшая мысль о том, что его кровным родителям пришлось бы месяц работать за кубок такого вина, вызвала у него непредумышленную улыбку.

Взор его устало скользнул по стенам и остановился на картине в золотистой оправе. На полотне изображался вполне себе заурядный, если не считать четырех высоких башен, замок. Впрочем, для мага искушенного то было самым знаковым и важным местом современного Ил Ганта, символом возрождения Священной Империи, местом, где регулярно решалась дальнейшая его судьба, где собирались Приближенные, их преемники, и сам Божественный. Картина именовалась «На могилах всегда вырастают цветы» – и неспроста: после полного распада Священного Ил Ганта именно в этом замке, замке Вече, впервые избрали первого Божественного; им стал Полесиус Падший, впоследствии едва не погубивший всю надежду на воскрешение Империи и свергнутый уже спустя два года.

Аэрон как заядлый любитель истории, конечно, знал о том, однако мысли его крутились вокруг других событий, там произошедших на исходе марта этого года, событий крайне весомых для его собственной жизни.

Посреди платформы из алебастровой плитки, во внутреннем дворе замка Вече, возвышался белоснежный мраморный алтарь, на нем возлежал труп нагого престарелого, но крепкого мужчины. По обе стороны над ним склонили головы позолоченные изваяния Этариуса и Мавриния – избранные Близнецы – символы всеобъемлющей мудрости Всевышнего и вечной пустоты Бездны. У тела стоял полнотелый, низкорослый лэр, с залысиной на макушке и ввалившимися в распухшее лицо поросычьими глазками. Он взял уже в кишках сидящую у Аэрона ноту:

– Все мы собрались здесь, дабы проводить в мир иной великого мага – Приближенного по внутреннему соглядатайству, фанатического приверженца идей Ил Ганта, неоспоримого мастера водной стихии, преданного исполнителя воли Божественного и непоколебимого защитника баланса мирового, как гласит то мудрость небесная, – лэра Титоса, кой именем фамильным пожертвовал и от родства мирского отказался во благо служения Господу.

Урион, так звали полнотелого лэра, служил Приближенным по вероисповеданию. Этот мастер печатей запомнился Аэрону тем, как грациозно на ежесезонных Вечах по-разному истолковывал в религиозном понимании один и тот же поступок: как обосновывал мудрость Божественного за помилование оклеветанного в некромантии одного мага, так же искусно восхвалял справедливость решения ликвидировать другого. Никогда вслух произнесенные догадки Аэрона об этом борове как умелом кукловоде опроверг Титос, покойный наставник, после одного из заседаний: «Клятый подхалим, заискивает, из кожи вон лезет, выказывает

лояльность, чтоб лэр Дарвос закрывал глаза на мои отчеты, сколь огромные суммы не доходят из храмов в казну».

Аэрон съезился под порывом северного ветра, от которого не спасали даже стены, что несла с собой непогода Хладного моря, укутался пышным меховым воротником. Флюиды превосходно могли согреть его, если бы не строжайший запрет на использование магии на таких сборах. Мельком огляделся: самые уважаемые лэры и лэрэсы Ил Ганта окружали его – Приближенные и их утвержденные преемники, также облаченные в траурно-черные плащи. Божественный, одиннадцать Приближенных, восемь, не считая его самого, преемников, – по наблюдениям Аэрона, отсутствовал лишь Талус со своей преемницей.

Всех присутствующих на традиционной церемонии прощания взяли в кольцо магистры охранного отдела Белого ордена – о чем свидетельствовали нашивки на плечах: белая крепость на сером фоне, – одетые в свои неизменно белые кожаные плащи-камзолы, скрывающие лица белыми масками, подобно бездушным истуканам не подавали ни намека на движение. Мельком озирая их, Аэрон приходил в невольный восторг, по всему телу проносилась волна гордости за столь дивное, не имеющее аналогов в мире достижение магии Ил Ганта. От них точно исходила некая ледяная аура непоколебимости, самоотверженности и бессердечности, – иными словами, рядом с магистрами Белого ордена можно было чувствовать себя в полной безопасности. Если вообще можно себя так чувствовать рядом с теми, кто был создан специально для умерщвления магов.

– ... Творец всего сущего, молим тебя, прими же душу брата нашего к себе, распали искру жизни его в Царствие Небесном, ибо всю жизнь посвятил он воле твоей... – заливался Урион.

Несмотря на то, что время едва ли перевалило за полдень, серый сумрак накрывал землю. Промозглый ветер бил назойливыми каплями в лицо. Как тяжелые серые тучи – предвестники дождя – заслоняли собой голубое небо, так сердце Аэрона окутала скорбь. То была не театральная печаль его коллег, а искренняя грусть о наставнике, – еще седмицу назад пышущем жизнью старике и правдборце, праведном и верном Империи до мозга костей Приближенном. Тем не менее сквозь завесу горестных переживаний прорывались лучики радости и надежды – неподдельное ликование. Кончина старика – дорога вверх для Аэрона, уж он это понимал отчетливо, и эта мысль окончательно вытеснила скорбь, наполняла согревающим душу предвкушением становления Приближенным. По телу пробежала согревающая рябь.

– ... Да огради от тварей безумных из Бездны беспросветной ты душу его...

Стоять и слушать условности традиции вдруг стало невыносимо мучительно для Аэрона – хотелось самому преждевременно поджечь тело. И вновь его разразило нечто укоризненное, печальное, противоречивое, – тоска об утрате вновь овладела им. «Как я могу радоваться кончине того, кто дал мне возможность присутствовать здесь?.. Кто возвысил меня. – Аэрона передернуло. – Тем, кто вершит историю, – жалость неведома! – тут же устыдил он себя». Но укус падальщика, именуемого совестью, порождал укор не за мнимое предательство из-за радости кончины Титоса, а за то, что он не может усилием воли целиком отдаться моменту ликования, отогнать бессмысленную скорбь.

Где-то вдалеке сверкнула неподвластная даже могущественнейшим лэрам – дикая и необузданная – яркая вспышка. Небо разразилось громом на всю округу. Редкие капли падали с неба и быстро переросли в проливной дождь, заглушающий речь Уриона.

– Будто бы знак самого Бога, – тихо обратилась к Аэрону, стоящая справа Приближенная по внешнему соглядатайству, чье лицо не пощадил морщины. Несмотря на почтенный возраст, выглядела она бодро: вороньего цвета крашенные волосы не выдавали седины, идеально прямая осанка, а голос чеканный, грубый и в то же время женственный, без малейшей толики старческой хрипоты. – Словно сам Творец принял душу его... или наоборот, отверг. Вы как считаете?

Аэрон скрестил руки на груди, не понимая, чем раздражен больше: проклятым холодным дождем, мерзким шажочками прокрадывающимся за шиворот, или внезапным обращением Гильды. Он прекрасно помнил наставление покойного наставника – одно из немногих, с которым был всецело солидарен: «Опасайся и сотрудничай всегда с теми, кому до всего есть дело; воинствующие или безразличные ко всему – плохие союзники. В нашем деле лучшие сторонники те, которым нельзя доверять. Ибо доверие вызывают либо чересчур вероломные, либо попросту глупые». Однако с ней сотрудничать Аэрон не спешил. И не беспричинно.

– Всенепременно к себе возвысил. Нет повода душу его отвергать, – напустив увлеченный богослужением вид, придерживаясь тона холодной вежливости, ответил Аэрон. – Почтеннейший лэр Титос верой и правдой служил нашему великому делу. И всем нам, стражам баланса мирового и исполнителям воли Всевышнего, рядом с ним место уготовано, не так ли?

Он не видел лица лэрэсы, но очень надеялся – та колкость оценит, ведь она не могла не знать, за какие «заслуги» неожиданно для всех Титос сделал его своим преемником.

– Безусловно, безусловно, все мы его воли исполнители. В особенности тем стремиться реабилитироваться под его всевидящим оком необходимо, кто по молодой неразумности отважился богохульствовать.

Гильда выдержала паузу. Аэрон вытянул шею, нарочито проявляя крайнюю заинтересованность к богослужению Уриона, а мысленно ликовал, что она так легко заглотила безобидный словесный крючок.

– ...И убьется тот кары Творца, кто очернить имя лэра Титоса посмеет, ибо всю жизнь неусыпно следовал он...

– Впрочем, оставим сентенции богослужителям, – с ноткой понимающей усмешки в голосе заключила Приближенная. – Мне кажется, приоритетнее блюсти жизнь настоящую, в которой даже самое невинное ехидство может послужить началом бессмысленного раздора. – Аэрон перевел взгляд на лэрэсу: ее ясные, чуть прищуренные из-за дождя и ветра янтарные очи были устремлены прямоком на него. – Меня всегда занимал вопрос, – отведя взгляд, как ни в чем не бывало, продолжала она. – Если все мы такие святые и любой праведный маг априори будет возложен на подобное ложе пред сожжением, отчего же над алтарем изваян второй близнец, греху поддавшийся?

«Что за глупый разговор? К чему эти философствования посреди церемонии прощания? К чему-то ведет, ведьма, осталось выяснить к чему», – подумал Аэрон, а вслух ответил, придав банальности официальный тон:

– Для устрашения, полагаю. Не всех преступных лэров и лэрэс закон наш мирской на чистую воду выводит, а от суда Божьего никому не уклониться. Вот и здесь символизм – к кому душа отправится после смерти: к святому Этариусу – с разумом Творца сливаться, – или к проклятому Мавринию – вечность в Бездне прозябать.

– Устами книжек старинных глаголете, – усмехнулась Гильда. – Смею предположить, ваш наставник безусловно к Этариусу отправится. Уж я его хорошо знала, благо пути наши зачастую пересекались... – как бы проглатывая последние слова, ответствовала она.

«Слишком дешевая театральщина, – подумалось Аэрону. – Поиграть решила со мной, карга? Может, еще и завербовать попытаешься? Что ж, я согласен, проверим твое искусство ведения диалога. Как там говорится? Дай насладиться жертве своим превосходством, и она добровольно угодит в капкан».

– Так вы с достопочтенным лэром Титосом были в хороших отношениях? Видите ли, пре-мноغوуважаемая лэрэса Гильда, мой наставник отлично обучал меня тонкостям своего дела, однако о личных отношениях предпочитал умалчивать. Интересно узнать...

– Вы заткнетесь сегодня, или нет?! – обернувшись, пролаял Крон, Приближенный по военному ремеслу, чьему роду деятельности полностью соответствовала внешность: креп-

кое, можно сказать, бычье телосложение, рыхлое, с высеченными морщинами, извечно хмурое лицо, редкие вкрапления седины в густой бороде и гриве. – Имейте уважение к покойнику!

Его медный бас, так подходивший к симфонии дождя и ветра, привлек внимание всех Приближенных и преемников, даже Урион на мгновение запнулся.

– Прошу меня простить, – нарочито кротко, склонив голову, произнес Аэрон.

Богослужение продолжилась. Крон отвернулся. Непогода как была, так и осталась.

– Засим, полагаю, нашу беседу лучше отложить, – тихо проговорила Гильда, – Сдается мне, лэр Титос воистину хорошо вас натаскал. И вот еще что... молодой Приближенный лэр Аэрон, примите мои искренние поздравления.

От этих слов Аэрона перевернуло. «Приближенный» – как прелестно звучит; это было неизбежно, это было предназначено им самому же себе, и пусть сейчас он искренне скорбел об уходе наставника, но глубоко в душе понимал: смерть старика ознаменовала собой новый этап будущего Вершителя Истории, каким Аэрон заносчиво сам себя нарекал в грезах.

Речь Уриона закончилась. Покорно склонив голову, он уступил место Божественному. К алтарю, держась за грудь, ступил высокий, худощавый, согбенный лэр Дарвос, – его длинная борода и, падающие ниже плеч, волосы сплошь пропитались мудрой, глубокой сединой.

Если доселе то тут, то там еще раздавался шепот, то теперь затихли абсолютно все. Ливень угас, будто видя, что речь ныне возьмет сам Божественный, Первый маг Ил Ганта, выбранный правитель Империи и председатель Веча Приближенных, и перешел в изморось. Старый лэр, дождавшись, пока пройдет окрик грома, взял речь:

– Я, лэр Дарвос, законно избранный шестой Божественный Ил Ганта, имею честь проводить в последний путь нашего брата, – протяжно выдохнув, он продолжил: – Все вы и так знаете заслуги почтенного лэра Титоса, посему не вижу смысла перечислять их. Прискорбно осознавать, что столь преданный и фанатичный приверженец нашего дела покинул этот мир. Но память о лэре Титосе навеки останется в наших сердцах. Его имя и заслуги перед Ил Гантом увековечит орден Летописцев. Однако мы должны отпустить дух его туда, куда попадут все лэры и лэрэсы, почитающие Всевышнего и живущие по законам его, туда, куда попал величайший из нас – Этариус. Так возвысится и переродится же он в царстве разума Божьего, как переродилась Империя наша. – Дарвос зашелся приступом хриплого кашля, но быстро вернул контроль над легкими и продолжил: – Так прославим душу его, как Империю нашу великую. Слава Творцу! Слава Ил Ганту! Слава Этариусу! Слава Титосу!

– Слава Творцу! Слава Ил Ганту! Слава Этариусу! Слава Титосу! – закричал Аэрон в унисон остальным, подняв сжатую в кулак правую руку.

– А теперь, – спокойным жестом призывая магов затихнуть, проговорил Дарвос, – предлагаю каждому проститься с лэром Титосом. Минута молчания, минута мысли, – сбавив тон, скрючившись, держась за грудь, проговорил Дарвос и отошел в сторону.

Небо дождалось окончания его речи и шквалом обрушило град крупных капель. Но никто даже не шелохнулся: все закрыли глаза и потупили головы, покоряясь традиции, дождю и своим собственным мыслям.

Скорбь принимала форму воспоминаний, счастливых образов, но Аэрон сам не уловил, как незаметно тоска перетекла в эйфорию, в судорожное предвкушение самого грандиозного события в его жизни. Сегодня он принесет клятву и займет нишу политической верхушки Ил Ганта.

– Ежегодное Вече объявляется открытым! Прошу всех занять свои места, – подавляя кашель, торжественно провозгласил Божественный, шурша темно-бордовой мантией.

Аэрон еще не до конца пришел в себя после официального становления Приближенным по внутреннему соглашению. Осмотрел рукава мантии. Траурные плащи сменились триви-

альными для Веча нарядами. Еще на прошлом заседании он носил алую мантию, как подобает преемнику, теперь же ему выдали рубиново-красную.

Так непривычно...

Сколько раз он бывал в этой просторной, но скромной на убранство зале, с ни чем не украшенными зеркально-обсидиановыми стенами и полом. Лишь огромные, на всю стену, насыщенно-бордовые полотнища гербов с изображением объятого пламенем дерева да высокие, поддерживающие своды колонны привносили уют. Впрочем, расставленные у стен и колонн магистры тоже могли сойти за предметы роскоши, если принять их за неодушевленные белые статуи. Обособившийся посреди залы стол по форме напоминал круглодонную колбу с приплюснутым горлышком. Столешницу покрывало абсолютно прозрачное толстое стекло, под ним еще одно, уже тонкое, накрывало полотно. Между стеклами находились чернила, вырисовавшие карту Ил Ганта. Впрочем, любой лэр, знакомый с искусством перемещения воды в иных жидкостных составляющих, мог беспрепятственно изобразить чернилами все: начиная от местности какого-нибудь хутора, заканчивая тактической картой расстановки сил.

Места в обступивших стол, обтянутых кожей мягких креслах-стульях были строго указаны для Приближенных и находились друг от друга на таком расстоянии, чтобы нисколько не стеснять магов. Утвержденные приемники же, как и положено, стояли за спинками кресел-стульев своих наставников. В основании, у «горлышка» стола восседал Божественный. По левую руку от него изящными, ловкими, больше подходящими вору или музыканту пальцами барабанил по губам нахмурившийся Приближенный Секретарь Клетус. За ним стоял и окидывал всех внимательным, ничего не упускающим взором его преемник Ирвин – немногим старше Аэрона маг, статный и высокий, с зачесанными назад черно-янтарными, с влажным отблеском, волосами, и узковатым разрезом глаз. Слева от Клетуса в кресле-стуле раскинулся Аэрон. Следом – Гильда и преемница Пилиция, взлохмачивающая и без того пышные, ниспадающие до поясицы каштановые копны волос. По левое плечо от Гильды, прикрыв ладонью веки, сопел Рикон, Приближенный по общественной безопасности, чей объем чрева превышал все мыслимые пределы. Крон рьяно что-то втолковывал Приближенному по образованию и научной деятельности Натору, почесывающему тянущие до самой челюсти бакенбарды и играющему в пальцах очками с золотой оправой. Из-за его спины, покручивая хвостиком черно-коричневых волос, за полемикой наблюдала преемница Орлена; ее по-детски огромные глаза не выражали ничего, кроме скуки.

Далее по окружности.

Урион потирал глаза. Плосколицый, высокий, узкоплечий Торбен, его преемник, не отрывался от дискуссии Крона и Натора и пытался сдерживать постоянно выступающую улыбку. Приближенная по казначейству Мира – видная, в свои сорок с лишним лет, лэрэса, выглядящая на тридцать, не без помощи всевозможных румянцев, блесков и теней, с заложенными за правое ухо прямыми светлыми волосами – хихикала с преемником Роном, смазливый двадцатилетним блондином. Миниатюрная короткостриженная шатенка, Приближенная по общественному бытию Хилона тем же самым занималась со своей преемницей, изредка перебрасываясь островами с Мирой. Изольда, ее преемница, всякий раз вводила Аэрона в некий диссонанс, когда на ее, казалось, убитом горе лице появлялась живая улыбка; а улыбалась она часто.

Следующая троица Приближенных напоминала парад скуки, ибо каждый из них восседал с таким унылым видом, что клонило в сон. Если бы в ряд поставили пастуха, землекопа и Дастериуса (он же Дастер), Приближенного по сельскому, рыболовному и охотничьему хозяйству, у первых двух было бы явно больше шансов сойти за политическую шишку Ил Ганта, настолько тот казался заурядным. Впрочем, Вилжер несколько разбавлял эту заурядность – один из тех редких случаев, когда преемник был старше своего наставника: пепельная борода как у козла, складки морщин на лице, усталый от жизни взгляд, – создавалось впечатление, что это он При-

ближенный, а не Дастер. Приближенный по общественному ремеслу Бильнос, еще один старец с землистой залысиной, обрамленной выцветшими волосами, буквально пребывал в прострации, уперев ладонь в брылу. Брон, Приближенный по строительству, был ничем не примечательнее Дастера. И, продолжая его традиции, имел незаурядного преемника – сильно смуглый Ихаэрис эмигрировал в Империю то ли с Дор-Дора, то ли с далекого Сара.

До сих пор пустовало только одно место, по правую руку от Божественного. Место Талуса.

В воздухе витал аромат грозовой свежести и сирени. И пусть в зале отсутствовали окна, было несказанно светло: подвешенные к потолку светильники с магическими печатями наполняли залу ярким белым светом. Разум Аэрона заволокла пелена мечтательности и неги, – он нисколько не обращал внимания на разносимую эхом болтовню плеяды лэров и лэрэс. Нынче его заботили совершенно иные, о коих он раньше даже не задумывался, вещи: насколько мудра архитектурная – как и любая иная мысль – Ил Ганта. Неформальное правило гласило: любые помещения, где проводятся официальные встречи, должны быть лишены любых украшений, отвлекающих внимание от принятия важных решений; стоит ли говорить, что при приеме иноземных послов роскошных декораций было больше, чем во дворцах шалиафских шахов.

Дарвос похлопал в ладоши.

– Итак... – дождавшись наступления абсолютной тишины, начал Божественный.

Внезапно целиком металлические, отворяемые магией двухстворчатые двери, больше походившие на ворота, распахнулись. В залу ступил невысокий лысый, на вид молодой мужчина с землисто-белым оттенком кожи. Казалось, его череп просто обтянули кожей – столь значительной была худоба. Много Аэрон повидал за свою жизнь демонстративно суровых, острых и внушающих ужас взглядов, но эти остекленевшие огромные зенки цвета грязного льда были несравнимы ни с чем. Людям и магам несведущим он мог показаться изнуренным от голода беженцем, перенесшим тяжкую форму рахита в детстве, однако Аэрон видел в нем самую знаковую и в то же время загадочную фигуру современного магического искусства Ил Ганта – Приближенного по магическим исследованиям.

– Лэр Талус, лэрэса Силенна, – любезно произнес Дарвос, – попрошу занять места. – Указал он на единственное пустующее кресло по его правую руку. – О, без сомнений, веских оснований, вынудивших вас отсутствовать на церемонии прощания с лэром Титосом и торжественной клятве лэра Аэрона, мы поговорим после.

Талус манерно поклонился.

– Примите мои глубочайшие извинения. Превелико скорблю о нашей общей утрате.

Голос его создавал неизмеримый контраст с наружностью – звучал высоко, скрипуче и благодаря эху походил на фальцет. Еще больший контраст вызывала неизменно сопровождающая его стройная, высокая, чарующая внушительным бюстом белокурая преемница. Аэрон невольно сморщился, увидав ее пухлогубое, идеальной формы, как бы застывшее с надменной ухмылкой на правую сторону лицо.

Невзначай Аэрон уловил, как Клетус буквально пронизывал тощего лэра угрюмым взглядом. Его внутреннее волнение выдавала легкая тряска пальцев, интенсивно гулявших по столу. И пока Аэрон выстраивал цепочки предположений, слово взял Божественный:

– Начнем со злободневного дела. До меня дошли горестные сведения о том, что в юго-западных районах нашей славной Империи, а именно в Тарниатском и Ромеантальском округах среди крестьян, вольнорабочих и прочих малообеспеченных слоев населения растут воинственные настроения. Уже происходили случаи откровенных беспорядков и актов вандализма: поджоги складов и амбаров, попытка поджога филиала карапульского банка в Поштоне; там же на площади устроили погром. На прошлой седмице в Тарниате насмерть забили священнослужителя. Несколько днями ранее надругались над могилами ветеранского кладбища близ Пентона. Примерно в тот же промежуток времени, на улице средь бела дня покусились на жизнь взяла Гелона, который, я напомним вам, находится всего в дне пути от Пентона.

И это лишь в общем. В частности же – множество иных, явно направленных на подрыв власти скверных происшествий. Попахивает преднамеренным саботажем. Лэр Рикон, просветите меня и всех собравшихся, какие меры были приняты по предупреждению столь громких инцидентов и устранению их последствий, отголоски коих добрались даже до моих ушей.

Приближенный по внутренней безопасности грузно приподнялся, опираясь на подлокотники. Аэрон находил некую иронию в том, что Рикон, добившийся неоспоримых высот в боевой сфере пространственной магии, которая подразумевает активные движения, походил на свиноматку.

– Так и есть, достопочтимый лэр Дарвос. За последний сезон сделалось множество подобных случаев в тех районах. Я взял дело под личный надзор. Имеются подозрения, что в тех районах действуют... эти... смутьяны, распространяющие еретическую сиорданскую веру среди малообеспеченного населения. А вы ж сами знаете, лапотники да отребье всяческое уши поразвесит да слушает, – как бы прожевывая слова, брюзжал Рикон и потирал бархатным платком шею; пот блестел на его сальном лице. – Мне бы ополчение созвать и людей дополнительных еще в стражу, да только бюджет у меня до гроша расписан. Сами понимаете.

«Ну что за идиот? – тайком усмехнулся Аэрон. Кто таких в Приближенные берет? Нисколько не удивлюсь, если он же сам эти настроения и поощряет, дабы свое финансирование увеличить. Определенно нужно разослать шпигов и взять дело под личный контроль».

– Лэр Рикон, – вдумчиво заговорил Дарвос, нахмутив белые кустистые брови, – насколько мне известно, вам и так выделяются солидные суммы на поддержание порядка на наших территориях. Верно я говорю, лэрэса Мира?

– В точности, – отозвалась Приближенная по казначейству.

– Так будьте же любезны, выполняйте возложенные на вас обязательства. Или, вероятно, бремя обязанностей становится для вас неподъемным?

Рикон вмиг побледнел.

– Я справляюсь...

– Вы упомянули, – спокойно продолжал Дарвос, – что уже взяли дело под личный контроль. Превосходно. Очень надеюсь в скором времени увидеть от вас отчет с полным списком казненных за столь дерзостные преступления. И найдите себе уже преемника: и вам помощь будет, и мне не придется кого-то со стороны искать в случае чего... Ах да, лэр Урион, увеличьте концентрацию проповедников в этих районах; я хочу, чтоб в каждой деревушке, на каждой улице кто-то вещал о нашем истинном Боге. И, само собой, нужно воспеть доблестные подвиги блюстителей порядка по поимке негодяев и открыть людям глаза, какие бесчинства те творили. Лэрэса Хилона, дело лежит на вас. Лэр Брон, лэр Дастериус, вам, полагаю, не нужно говорить, что делать.

– Не нужно, – хором отозвались Приближенные.

Рикон, кротко поклонившись, облегченно обрушил всю свою массу на несчастный стул. Аэрон ехидно представил, как он в роли Божественного поиграл бы с этим увальнем: повысил тому финансирование, а сам бы приказал, втайне от придурка, создать настоящую группу повстанцев – вот потеха бы была.

– Далее, – откашлявшись, пробурчал Дарвос. – Так, что там еще было?.. Да, лэрэса Гильда?

Приближенная по внешнему соглядатайству незамедлительно поднялась. В отличие от предыдущего оратора держалась она ровно, важно, даже несколько надменно.

– Благодарю, достопочтенный лэр Дарвос. Славные лэры и лэрэсы, братья и сестры, попрошу вашего внимания! Упрежу возгласы – тревожиться пока рано, однако не могу умалчивать о донесениях, поступающих ко мне с западных границ. Наши... соседи и верные союзники – Верхняя Квигелия и Им-Зелот – созывают войска. Неоткрыто. Тайно.

– Немудрено. Они ведь с Гретанским Объединением воюют, – перебил Натор.

– Лэр Натор, – не растерялась Гильда, – если вы не имеете уважения к оратору, не уважаете меня как коллегу и не берете в расчет нашу разницу в возрасте, то хотя бы соблюдайте элементарный этикет и нормы поведения. Не перебивайте. – Приближенный сконфужено отвел взгляд. – С вашего позволения я продолжу. Спасибо. Итак. О всеобщих призывах сведения пока не поступали. Но все же меня удручает тот факт, что воинские отряды, которых, по заверениям дипломатов данных стран, исключительно не хватает, потому они и пользуются нашими ратными услугами, стекаются со всех уголков и занимают крепости близ Ил Ганта. Усиленно проводится фортификация. Надо полагать, нас они об этом не уведомили?

Ропот и перешептывания эхом разлетелись по зале. Аэрон взглянул на Божественного, – Дарвос безотрадно смотрел на карту Империи и поглаживал бороду, борясь то ли над решением вопроса, то ли с кашлем. Затем взглянул на Гильду и решительно произнес:

– Благодарю за отчет, лэрэса Гильда. Я разберусь. Лэр Клетус, нужно послать дипломатов...

Кто-то с силой вдарил по столу – Аэрон, вместе с остальными магами, оглянулся на нарушителя спокойствия. Им оказался вскочивший на ноги Крон.

– В бездну дипломатов! – зарычал он. – Мы, по вашей же указки, лэр Дарвос, регулярно снабжаем их зерном, пушниной, смолой и черт знает чем еще, отдаем в наемничество целые легионы! Не сердчайте за выражение, но кроме как наемничеством я подобное назвать не могу. Наши легионерыдохнут на чужом поле брани, корпуса боевых магов разбазаривают силу в борьбе за очередной бесполезный замок! И чем они нам отвечают?! Войсками у порога, ха! Да на кой нашему великому Ил Ганту терпеть такую дерзость?! Неправ я, скажите? Лэр Дарвос, отдайте приказ, и я лично поведу легионы! Мерзавцы захлебнутся в собственной неблагодарности!

– Лэр Крон, прошу вас взять себя в руки! – хрипло выкрикнул Божественный и зашелся кашлем. – Я понимаю ваше негодование, однако мы не дикари. Уверен, наши друзья Неологан и Гелиотус непременно сумеют объяснить это недоразумение.

– Да какое в бездну недоразумение?! – оборвал Крон; Аэрон отчетливо видел, как того трясло в приступе патриотической ярости, уловил исходящие от него флюиды. – Урион Суровый – праотец современно Ил Ганта – стал бы терпеть подобное?! Да вечность демонам Бездны мою душу терзать коли да! Вот что я вам скажу! Он создал бы легионы и сравнял с землей парутройку городов таких союзничков, предал огню их деревни, засыпал солью поля и отравил бы колодцы, а этикие друзья ощутили бы всю прелесть последствий своего проступка, прибитые к стенам собственных замков!

Аэрон как истинный ценитель истории мысленно рассмеялся такому примеру.

– Его времена давно закончились! – вскочив, возмутилась Мира. – Вы не учитываете тот факт, что тогда было совершенно иное время, и требовало оно иных действий! К тому же, лэр Крон, не будет забывать: не этот без сомнения могучий, но чересчур жестокий лэр создал Ил Гант таким, каким мы его знаем сегодня, а Толариус Мудрый. И хочу вам напомнить, что правление его отнюдь не сопровождалось кровопролитием.

Это развеселило Аэрона еще больше. Невежественный маг или человек, безусловно, проникся бы словами Приближенных, но только не он. Урион – параноик и маньяк, плодивший дурацкие законы вплоть до того, в какое время обязаны засыпать и просыпаться крестьяне, и периодически собственноручно казнивший своих родственников. Толариус же – его единственный выживший внук – действительно подвел Ил Гант к нынешнему виду: уравнивал в правах мужчин и женщин, отменил передачу государственных должностей по наследству, запретил Приближенным иметь семьи, упорядочил систему выборов Божественного среди Приближенных, основал Белый орден как самостоятельный орган, подчиненный лишь самому Божественному, но при этом захватил территорий больше, чем все остальные Божественные вместе взятые.

– В конце концов, – вмешалась Гильда, – даже объединенные силы Им-Зелота и Верхней Квигелии не в силах нанести нам значительного вреда. Гелиотус и Неологан должны прекрасно понимать, что мы легко можем сменить милость на гнев и запросто раздавить их как блох. Я лишь сообщила факт, как того требует долг, но сама, признаться, склоняюсь к недоразумению.

– Да все это Вече – одно большое недоразумение! – выкрикнул Крон. – Вместо военного вторжения и присоединения новых территорий, вместо восстановления границ Священного Ил Ганта, вместо создания империи, которая сокрушит треклятый Сиордан вместе с иными еретиками, империи, с которой, как в былые времена, будет считаться весь Юг, мы вникуда спускаем ресурсы! Мы, потомки наследия всемогущего Этариуса, позволяем запрягать нас словно вшивых мулов посредственным магам-иноземцам и убогим людишкам, напялившим короны и возомнившим себя правителями. Тьфу!

Под протестные и одобрительные возгласы Приближенных Крон раздраженно направился к выходу. Двери загородили два магистра. Аэрон подметил, как синхронно, грациозно и быстро правая рука каждого охраняющего Белого ордена в зале легла на навершия мечей, уместенных в ножнах на поясах.

Дарвос, опираясь кулаками на стол, тяжело встал – все последовательно затихли, ожидая от него ответа.

– Лэр Крон, – не скрывая раздражения, проговорил старый маг. – Я разрешу вам покинуть Вече, если вы того так жаждите. Но предупреждаю вас: в качестве Приближенного вы сюда боле не ступите.

Магистры, загородившие проход, одновременно расступились. Впрочем, Крон не спешил уходить; насупился пуще обычного и многозначительно окинул взором Божественного. Еще бы, все прекрасно знают: в Ил Ганте невозможно лишиться столь высокого сана не лишившись при этом жизни. В конце концов Приближенный сдался – в угрюмом молчании вернулся на место, а Дарвос устало опустил в кресло-стул. Только теперь Аэрон придал значение тому, что Клетус, будто оторванный от реальности, продолжал яростно упираться взглядом в Талуса, не обращая внимания на происходящее. Тот же отвечал ему безучастным, холодным зырканием.

– Я устал вас предупреждать, лэр Крон... – потянул Дарвос. – Ведите себя благопристойно, придерживайтесь поведения, достойного лэра. Очень надеюсь, нам больше не придется лицедреть ваши разгоряченные выходки. Лэр Клетус, помнится, вы просили меня дать вам слово...

Секретарь вскочил пружиной и связно затараторил, не спуская глаз с Талуса:

– Лэры, лэрэсы, может кому неизвестно, не так давно при странных обстоятельствах был поголовно вырезан древний род Дэриалов – дом магов, берущих корни из времен основания Священного Ил Ганта. Сие беспрецедентное злодеяние случилось прямо в именной усадьбе, в предместье Мальтора.

Аэрон наострил уши. Поразительно! Месяц назад еще был жив Титос, следовательно, столь вопиющее происшествие не могло остаться без его внимания; да даже распоследний забулдыга вопил бы о том на каждом углу; а Аэрон ни сном ни духом. Он не понаслышке знал старшего представителя Дэриалов – лэра Кариуса, масрэала Жинейского округа, – пересекался пару раз по рабочим делам.

– ...По заключениям расследователей Белого ордена нападение осуществлялось ночью, и было тщательно подготовлено. Как нападавшие проникли в усадьбу – загадка. Стража не подметила ничего необычного. Крики и звуки боя также отсутствовали. Но вот что примечательно: ни одна защитная печать, коими была напичкан дом, не была активирована. Однако уполномоченные маги сумели распознать оставшиеся в воздухе флюиды. Много флюид! Что приводит к выводу: использовалась магия колоссальной силы! Только вот неувязка – нет следов магической борьбы! Ни обожженных стен, ни льда, ни пробоин от боевой магии, ничего! Лэрэса Дор-

сения, одна из лучших врачевательниц, привязанных к расследовательскому отделу ордена, констатировала: семью и прислугу убили холодным оружием, предположительно, мечами. В голове не укладывается, как убийцы сумели незамеченными преодолеть многочисленные посты охраны и умертвить пятерых взрослых магов, подростков, глубоких старцев и всю прислугу, при этом, не издав ни звука. А я доподлинно знаю, что лэр Кариус обладал превосходным навыком обращения как с печатями, так и с пространственной магией! Не говоря уже об остальных членах семьи...

По зале, отскакивая от стен, прокатились многочисленные охи и ахи. Впрочем, больше наигранные, нежели искренние.

– Это еще не все! – повысил тон Секретарь. – Сию загадку расследователям Белого ордена еще предстоит разгадать. И они разгадают. Непременно разгадают! – Последнюю фразу как-то особенно, точно обращаясь к кому-то, подчеркнул Клетус. – Я бы не выносил данный, безусловно, будоражащий кровь в жилах инцидент на обсуждение, если бы не пару но! Лэр Талус, прошу вас в присутствии всех достопочтенных лэров и лэрэс и всеуважаемого лэра Дарвоса лично объясниться: какими делами вы были связаны с лэром Кариусом до его гибели? Доподлинно известно, что его сын, лэр Радиониус, работал в вашем исследовательском центре, но отчего-то скоропостижно прервал сотрудничество с вами. После – ваша преемница не раз посещала усадьбу. По словам свидетелей, каждая беседа лэрэсы Силены, лэра Кариуса и лэра Радиониуса проходила на высоких тонах. Доходило даже до угроз из уст вашей преемницы. А всем известно, что без вашего ведома – указки, если хотите – она и пискнуть не посмеет.

Силена безмолвно стояла, подчеркивая женское достоинство скрещенными на груди руками, и, как казалось Аэрому, снисходительно, с проклятой ухмылкой, смотрела на Секретаря.

– Все ей известное она уже поведала расследователям, – холодно проговорил Талус. – Как, впрочем, и я сам. Дополнить нам нечем. А вы, дорогой лэр Клетус, занимаетесь не своими делами. Или у вас какой-то личный интерес к этому никчемному роду?

Шквал возмущений грянул с новой силой.

– Лэр Талус, – прохрипел Божественный, – выбирайте выражения. Как-никак о покойниках грешно плохо отзываться.

– Грешно. Это так, – учтиво подтвердил Талус. – Я непременно извинюсь перед лэром Кариусом и его семьей, как окажусь на том свете. Однако я не нахожу слов, как по-другому можно охарактеризовать род, древними корнями которого так бахвывается лэр Клетус, кой бесславно, я бы даже выразился, бездарно пал от неизвестных рук.

Явственная гримаса ненависти обуяла лицо Секретаря. Отдышавшись и расслабив мину, он вынул из-за пазухи сверток бумаги и передал Божественному.

– Я не случайно вынес этот вопрос на всеобщее обозрение. Вы вопрошаете меня о заинтересованности? Позвольте объясниться, благородные лэры и лэрэсы, пока глубокоуважаемый лэр Дарвос читает письмо, дабы действительно подтвердить мною сказанное. Да, я скрыл это письмо от расследователей, каюсь. Но не беспричинно, и в конце моего рассказа вы поймете почему. Вы, лэр Талус, не могли знать о нем. Письмо отправил мне лэр Титос, судя по всему, накануне своей кончины. В нем сказано о неких... изобличающих вас в запретных чарах и экспериментах уликах, добытых покойным. Также упоминается о некой подгорной твердыни, расположенной где-то в Саторианских горах, куда вы, если верить письму, регулярно навещаетесь; а так как строки те написаны рукой самого лэра Титоса, можно не опасаться за их правдивость. Гонец – доверенное лицо лэра Титоса – преспокойно может выступить свидетелем...

– И? – скупно произнес Талус.

– И? И?! – вскипел Секретарь. – Уважаемый лэр Дарвос, в силу новых представленных мною фактов, я требую немедленно взять под стражу лэра Талуса и лэрэсу Силену.

В зале водворилась гробовая тишина. Аэроу казалось, будто флюиды, исходящие от тела Секретаря, неистово пронзают его самого. Взгляд всех присутствующих был прикован к Божественному. Он подозвал магистра, вручил ему письмо, что-то шепнул, – тот спешно удалился, – и мутным взглядом всматривался то в пышущее хладнокровием скелетообразное лицо одного Приближенного, то в спазматическую от ярости мину другого, и наконец заявил:

– Напоминаю всем: расследованиями подобного рода по-прежнему занимаются расследователи Белого ордена. Все свидетели и подозреваемые, не примите за оскорбление, лэр Талус, лэрэса Силена, будут допрошены повторно, если орден сочтет то необходимым. Не вижу поводов в сие же мгновение заключать под стражу ни лэра Талуса, ни лэрэсу Силену. Таков мой вердикт.

Секретарь, явно не ожидавший такого исхода, обомлел. В зале понемногу нарастали переговоры. В голове Аэрона непрестанно крутились мысли о неразумности поступка его наставника. Все казалось ему вздором. Не мог старик так опрометчиво поступить! Уж слишком хорошо его знал Аэрон. Какой смысл отправлять письмом столь важные сведения, да еще и мельком указывать на улики, при этом, не предоставляя их. Не похоже на Титоса – это, как минимум, непрофессионально. Или он перестраховывался на случай смерти?..

Смерти...

Своей ли?

Теперь Аэрон сомневался, что старика, как выразились заключающие кончину маги-врачеватели, убила старость. Но все же это глупо. Даже если он не располагал фактами, а «улики» основывались на доводах, почему не доложил или, на крайний случай, не отправил то же письмо самому Божественному? Ну или расследователям. Что-то не сходилось, нечто было упущено. Тщетный поиск этого нечто будет стоить Аэроу множества бессонных ночей.

– А теперь позвольте мне взять слово, – неспешно поднявшись с кресла-стула, проговорил Талус. – Честь не позволяет мне более отмалчиваться в ответ на клевету.

– Клевету?! – выпучил глаза Секретарь.

– Именно, клевету. В своей речи вы опустили несколько важных деталей. Во-первых, ваши необоснованные намеки ни что иное, как пыль в глаза, призванная заставить других забыть о наших с вами распрях, начало которых приходится еще на ваше преемничество. И, соответственно, вашей предвзятости. Не счесть сколько раз вы беспочвенно обвиняли меня в некромантии и срывали мою работу. Прошу заметить, что ни одно из расследований Белого ордена не подтвердило обвинений.

– Безосновательных?! – раздосадованно ощерился Клетус. – Сколько вам лет? Сто десять? Сто двадцать? Сколько Божественных сменилось на вашей памяти? Двое? При всем уважении к почтительной мудрости лэра Дарвоса – взгляните на него. А ведь ему сто два! – Божественный, прикрыв глаза, будто бы находился в некой прострации. – И как, позвольте спросить, не прибегая к богомерзкой магии, вы столько живете и так выглядите? Ах, да-да, точно, вы какое-то новое, экспериментальное заклятие в целебной сфере изобрели. Что ж вы тогда его не обнаружите?

– Во-вторых, – пропуская мимо ушей пререкания, продолжал Талус, – вы не упомянули, что до того, как стали преемником, сами принадлежали роду Дэриалов и приходились сводным братом лэру Кариусу. И, самое главное, в-третьих, ваше так называемое доверенное лицо лэра Титоса – всего лишь ваш «подарок» ему, сделанный шесть лет назад в знак дружбы. Сунули своего единоутробного брата, не обладающего Способностями. Будете отрицать? Не стоит, не стоит. Лэры и лэрэсы здесь присутствующие, призываю вас пораскинуть мозгами: стал бы столь выдающийся профессионал своего дела как лэр Титос возводить в доверенные лица брата одного из тех, которых долг его требовал избличать? К тому же письмо мог подделать любой, как и подпись, даже личную магическую печать можно скопировать. Трудно, но возможно.

В теории. Потому, являясь непревзойденным асом своего дела, лэр Титос никогда не позволил бы себе подобной оплошности.

– Вы смеете обвинять меня в подделке и наговорах?! – изумленно, ломающимся от гнева голосом, выкрикнул Секретарь.

– Смею. И обвиняю, – невозмутимо довершил Талус. – И посему вызываю вас на дуэль.

«Ох...» – вздохнула Гильда; «Правильно!» – выкрикнул Крон; «Сохрани нас Всевышний» – причитал Урион; «Мужчины...» – пожала плечами Мира; даже сонный Бильнос как-то взбодрился. Остальные либо отмалчивались, либо что-то бурчали, либо негромко переговаривались.

Словами не передать, как Аэруну хотелось увидеть в деле двух Приближенных.

– Согласен, – неуверенно проговорил Клетус, озираясь на Божественного.

С грустью Аэрон подумал – все равно не суждено ему увидеть такое историческое событие. Дарвос не Тернанд Жестокий, это при правлении того дуэли не были чем-то из ряда вон выходящим, хоть даже тогда смерти во время них – дело исключительное. Дуэли меж магами вообще были скорее формальностью, нежели вопросом чести и смерти. Дарвос же и вовсе, как показал двукратный опыт с Кроном, пользовался правом вето и налагал запрет на их проведение.

Но Дарвос молчал. То ли во сне, то ли бодрствуя, он апатично глядел сквозь полузакрытые веки.

– Премногоуважаемый лэр Дарвос, – окликнул его Секретарь, явно обеспокоенный перспективой сражения.

– А... да... – пробормотал Божественный, приподнимаясь на подлокотниках кресла-стула. – Да будет так. Дуэль состоится после окончания Вече. Как должно, я выступлю секундантом.

Аэрон воспылал восторгом, краска жизни прильнула к щекам: «Наконец-то увижу что-то значимое! Будет о чем написать в мемуарах».

Почерневшую от влаги обширную грунтовую арену, очищенную от всякой растительности, с высокими гранеными каменными столбами по углам, разрезал посередине небольшой водоем; разделял он Талуса и Клетуса, застывших друг напротив друга.

– К барьеру! – устало провозгласил Божественный.

Впрочем, команда предназначалась скорее не дуэлянтам, а придворным магам, немедля активировавшим печати в столбах, – площадь накрыл крепчайший полупрозрачный параллелепипед, дабы обезопасить секунданта и зрителей от сокрушающих проявлений магической мощи. Аэрон пребывал в предвкушении и, чтобы не упустить ни одной детали, приблизился к барьеру вплотную.

– Напоминаю, – прочистив горло, начал Дарвос, – магия, запрещенная небесными и мирским законами к использованию не допускается; любое оружие и сторонние артефакты строгойше запрещены! Действующими правилами, установленными и заверенными высшей властью Ил Ганта, бой проводится до смерти либо изнеможения, либо потери сознания, либо иных причин, препятствующих продолжению честного поединка одного или обоих участников. Секундант оставляет за собой право прервать дуэль по вышеперечисленным причинам. Каждый из дуэлянтов имеет право сдать; сдавшийся признается проигравшим. Готовы? – Возвел руку Божественный и, дождавшись обоюдных кивков, обрушил книзу. – Начали!

Клетус моментально сделал жест руками, и из земли, по обе стороны от Талуса, взмыли вверх две массивные каменные плиты.

Секретарь хлопнул ладонями – плиты моментально захлопнулись с оглушительным звуком. Все произошло так стремительно, что Талус даже не успел среагировать.

Позади Аэрона раздался возбужденный ропот. «И это все?! – мысленно возмутился он. – Я разочарован. Его скорость впечатляет, но такое заклинание сумеет сотворить любой выпускник академии, выбравший основной своей стихией землю. Хотя то, что он не касался ладонями земли, вызывает уважение».

Клетус не опускал руки и держался настороженно.

«Что-то не так. И Дарвос бой не останавливает».

Каменные плиты расплылись в обычную грязь.

Талус возник из земли в трех шагах позади Секретаря. Но тот успел отскочить и развернуться – не иначе как почуял чужие флюиды – обдал противника жидким кислотного цвета огнем.

«А вот это уже интересно. Чтобы создать такую волшбу, нужно отлично владеть земляной, огненной и водной стихиями. Это, по сути, как лава – только в разы опаснее. Этот огонь, это... вещество прекрасно разъедает силовые щиты – знает же, что Талус – мастер пространственной магии».

Но полупрозрачное подобие кокона, пульсируя и визуалью искривляя пространство за ним, оставалось невредимым. Жидкий огонь растекался по нему.

Клетус присел и коснулся ладонью земли. Что бы он ни задумал – слишком медленно. Кокон Талуса, следуя его жестам, вывернулся наизнанку, заключил в плотный шар все жидкое пламя – и молниеносно устремился в Клетуса.

Шар развеялся и окатил Секретаря его же творением. Истошный вопль не заставил себя ждать.

Кислотный огонь вмиг испарился, оставив ужасающие ожоги.

И...

Тишина. Скупые возгласы затихли вовсе – превратились в напряженное безмолвье.

Изрешеченный десятками силовых стрел Клетус рухнул на мокрую землю.

– Мать моя... – донесся изумленный комментарий Брона.

Божественный, видимо, сам пораженный результатом своего бездействия, – или мнимого бездействия, как после подметил для себя Аэрон, – до белизны сжал кулаки.

– Довольно! – закричал Дарвос поразительно чистым, молодым голосом.

Огромный барьер тут же пропал. На поле боя ринулись два мага-врачевателя; но и без них было ясно – такие ранения не затянуть. Талус, подойдя к телу Секретаря, смиренно ожидал от Божественного вердикта.

Осматривающий тело чернявый молодой лэр что-то сказал пожилой лэрэсе. Та, явно обращенная к Божественному, коротко мотнула головой.

– Объявляю лэра Талуса победителем, – сипло вздохнув, заключил Дарвос.

На следующий день, после очередной церемонии прощания, состоялось еще одно назначение – преемник Клетуса Ирвин вступил в должность нового Приближенного Секретаря.

И хоть тело Аэрона блаженствовало в истоме, голова по-прежнему гудела – это-то и вернуло его к реальности – непомерно много дел свалилось на новоиспеченного Приближенного по внутреннему соглядатайству. Тут отчет об очередном казнокрадстве, там о подозрениях в измене, вновь случай кровосмешения, клеветы, осквернения. На севере лэр в пьяном угаре заживо сжег служанку, – суд его оправдал, – толпа линчевала мужа сожженной за сквернословие в сторону мага; на юге стражники из острога устроили бордель, а капитан закрывал на это глаза; на востоке из вольных княжеств нелегально прибыли беженцы, – местные рэялы умалчивают об этом, эксплуатируя тех за еду, – безработица: среди народа растет недовольство. О чем-то сообщить Белому ордену, о чем-то умолчать, встретиться с кем-то из масрзалов и дать

настоятельно-рекомендательный совет, кого-то завербовать, отправить уведомление кому-то из взяров с просьбой исполнения смертного приговора. Словом, мозги в конце каждого дня кипели настолько, что без сильнодействующих экстрактов заснуть было невозможно.

И ведь до него доходят лишь самые громкие дела! Подумать страшно, сколько менее значимых происшествий не выносятся за стены подчиненных ему локальных ведомств, а сколько сплетен из-за отсутствия фактов не доходит и до их ушей. Нет, Титос посвящал его в дела, более того, спихивал часть из них ему на плечи, однако Аэрон и представить не мог, какая паутина соглядатайства окинула Ил Гант. Да захоти, он дословно бы узнал как хмельной крестьянский бред в деревенском трактире, так и интимные беседы какого-нибудь рэяла. С взярами и масрэалами уже было сложнее. К Приближенным и их преемникам и вовсе почти не подкупаешься – слишком уж хорошо те понимали систему и ревностно огораживали себя от ее глаз и ушей, – хорошо, но не идеально.

И все же даже сквозь полог головной боли к нему просачивались события минувших дней. Аэрон не привык прислушиваться к интуиции, твердо считая ее главным врагом истины, но не мог игнорировать навязчивую мысль – «Титос умер не от старости». Сомнительное письмо, загадочное убийство Дэриалов, не менее загадочные мотивы, вдруг побудившие благодушного Дарвоса не воспользоваться правом вето, Талус... смерть наставника... – все не могло оказаться случайным стечением обстоятельств. «Только дураки верят в случайности, если они относятся к государственным делам», – как прописную истину повторял себе Аэрон. Тем не менее никаких шагов он не предпринимал. Пока не предпринимал. Опасался. Если он стал первым пауком, еще не значит, что он находится в своей паутине.

И не занимало его ослепляющее чувство праведного возмездия; нет, им руководило нечто иное, корыстное, профессиональное, и Аэрон прекрасно это понимал, гордился полным контролем над чувствами. «Но что если это напускное? Что если действительно стечение обстоятельств?.. Стоит ли гнаться за фантомными подозрениями? А если что-то удастся нарыть, стоит ли ради этого рисковать всем?» – смочив горло вином, анализировал он.

Раздался гулкой стук в дверь. На пороге стоял стюард – молодой темноволосый маг с небольшим «конским хвостиком» и остриженными висками.

– Лэр Аэрон, извините за беспокойство, к вам посетитель, – ележно отчеканил он.

– Кого это занесло в резиденцию в столь поздний час? – перебирая в голове варианты, спросил Аэрон.

– Лэрэсу Гильду. Просила передать – визит ее неофициальный, дружеский.

Аэрон нахмурился. «Дружеский от Гильды? Ну-ну».

– Пусть войдет. И принеси нам еще графинчик халлийского. Только смотри, чтоб кислятиной не отдавало. Ненавижу кислое. И разожги свечи. Не хочу оставаться с ней в потемках.

Аэрон, увидев Гильду, невольно усмехнулся про себя: «Воистину, только в Ил Ганте можно встретить мужской наряд, перешитый на женский лад, как нечто естественное». Уже давно немолодая лэрэса была облачена скромно, но со вкусом, в зеленоватый, прекрасно подчеркивающий цвет ее глаз, кафтан с черными кожаными вставками; на ногах – блистающие чернотой высокие кожаные сапоги; бижутерия отсутствовала, – еще бы, у магов Ил Ганта щеголять в ювелирных изделиях считалось дурным тоном. Лет двадцать назад она наверняка слыла суровой красавицей, а теперь даже не пыталась скрывать старость косметикой.

– Здравствуйте, почтеннейшая лэрэса. Надо сказать, прекрасно выглядите. Чем обязан такой чести в столь поздний час? – Разлив вино, Аэрон уселся за стол и указал гостье на стул напротив. – Прощу вас, присаживайтесь. Вина? – Протянул он бокал. – Должно надеяться, дорога вас не слишком вымотала?

Гильда благодарно кивнула и, отхлебнув вина, тут же заговорила:

– О, вы очень любезны. Нет, не сильно. Благо дорога к вам выгодно отличается гладкостью и прямолинейностью. На совесть строили в Священной Империи! Ну, за Ил Гант! –

Чокнувшись с Аэроном, лэрэса отхлебнула с бокала. – Ммм. Блаженство. Великолепное вино. Бьюсь об заклад, халлийское. Сто лет его не пила. Благодарствую. И за вино, и за то, что выкроили время для меня. Особенно если учесть, что у вас, как я полагаю, сейчас дел невпроворот. Искренне вам сочувствую, все же трудно управляться без приемника, – улыбнулась она.

«Неужели мне кого-то сватать в приемники начнет?»

– Да перестаньте, вы всегда желанная гостя в... моей резиденции, – улыбался Аэрон в ответ; и улыбка его оставалась подчеркнута вежливой, холодной, манерной. – Откровенно говоря, трудности были лишь в первые дни. Такой объем работы вдруг на голову свалился... сами понимаете. А теперь ничего, освоился, привык.

Фальшь в словах нисколько его не смущала – скорее, доставляла некое потаенное удовольствие. Аэрон принадлежал к тому типу магов, коим лести и лукавство давались проще, нежели правда.

– Рада, рада, что вы так скоро сумели влиться в работу. Все думают, работоспособность зависит исключительно от трудолюбия, однако это не так. Рачительный труд изматывает даже самых стойких. Они попросту перегорают как фитиль. Я считаю, что упорядоченный отдых не менее важен пресловутого трудолюбия. Но то касается обычной работы. В нашей же полноправно насладиться отдыхом невозможно даже во сне. Полагаю, вы уже сами это прочувствовали. Вот и приходится совмещать приятное с полезным – отдых с работой.

Пока лэрэса вкушала вино и осматривала антураж комнаты, как бы сравнивая, что изменилось со времен Титоса, Аэрон, тоже попивая вино, будто невзначай бросал на нее взгляд, вслушивался в интонацию, следил за вздохами – жесты, мимика, резкие повышения или, напротив, едва различимые срывы голоса помогали уловить настроение собеседника, обличить ложь и понять истинное отношение к предмету диалога. И чем они естественнее, тем больше шансов, что искренние, произвольные, а не напускные, дабы запутать собеседника. Впрочем, оптимистично было бы полагать, что Приближенная с пятнадцатилетним стажем чем-то выдаст себя: мягкая, формальная улыбка, доброжелательная, чеканная речь, спокойные жесты и практически отсутствующая мимика, и, что самое неприятное, никаких признаков неуверенности или излишней самонадеянности.

«Совмещать отдых с работой...» Все-таки, как Аэрон и предвидел, визит оказался не таким уж и дружеским. Его голова вновь изменнически заныла. И перерыв, прикрываемый сухостью в горле, неспроста. «Ждет, пока я сам проявлю интерес».

Сам Аэрон отчетливо сознавал, каким он предстает перед лэрэсой. Мятажный выскочка, который по счастливой случайности вместо смерти от бездушного, как все магистры, клинка Белого ордена неожиданно взлетел до умопомрачительных высот. Надутый юнец, решивший поиграть наряду со взрослыми. Книжный червь, кичащийся иллюзиями своих способностей в подковерной игре, а на деле – наивный профан, возомнивший о себе невесть что. Аэрон не просто мирился со своим образом, но и использовал его всюю, когда желал перескочить прелюдии.

– Лэрэса Гильда.

– Да-да?

– Как вы считаете, лэр Титос умер своей смертью?

На миг, на один только миг он уловил в желтоватом отливе от огня свеч и камина лице Гильды обескураженность, но этого оказалось достаточно, дабы испытать невообразимый восторг, соразмерно растущий со временем ее острого, безмолвного взгляда. Аэрон выдержал взгляд, победоносно испив вина.

– Своей или нет, а он, к моему великому сожалению, покинул этот мир, – серьезно отчеканила Гильда и подалась вперед. – Лэр Аэрон... Вы еще молоды. А молодость, как известно, сильно мешает рациональности. Простите за нескромное уточнение, сколько вам лет? Двадцать восемь? Для рядового крестьянина или портового рабочего это солидный возраст. В нашем же

деле – не примите за оскорбление – это младенчество. Подобно ребенку, спешащему познать мир и хватающему за хвост лесную гадюку, лэр вашего возраста не раздумывая хватается за хвосты тайн, кои, быть может, и не тайны вовсе, а возможно, на конце его ждет клыкастая змеиная голова. Позвольте мне дать вам дружеский совет, как-никак мой же визит дружеский, – улыбнулась она, – сообщить одну аксиому, если покойный лэр Титос не опередил меня в том: есть знания, которые не приносят никакой пользы, более того, сильно вредят рациональности. И все же, если вам интересно мое мнение, – я склоняюсь к естественной смерти лэра Титоса.

«Гадюка... Да ты сама – змея! Что это, попытки выветрить из моей головы эту мысль? Очень наивно, лэрэса, очень. Не я заложник своего образа – ты заложница моего». Внутренняя чаша весов Аэрона все более склонялась в пользу неестественной кончины наставника.

– Интересно... – задумчиво потянул Аэрон. – Меньше знаешь, крепче спишь? Позвольте узнать, как же нам работать тогда?

Лэрэса усмехнулась.

– О, прошу вас, не воспринимайте буквально аналогию, на какую хватило моей скудной фантазии; ведь, как известно, любая аналогия ложна. Давайте лучше перейдем к делам насущным, однако несколько неофициальным. У вас здесь нет никаких антимагических печатей? Вы позволите?

Аэрон вмиг взбодрился – «ну наконец-то что-то интересное» – и утвердительно кивнул, прекрасно понимая, что хочет сделать Гильда.

Лэрэса создала невидимый звуконепроницаемый купол, настолько тонкий, что Аэрон, даже будучи внутри него, еле-еле улавливал чужие флюиды, однако ощущал, насколько плотно и упорядочено они расположены, и невольно восхищался ее мастерством владения пространственной магией.

– Признаться, не намеревалась я так скоро заводить этот разговор, однако вы, как я вижу, утомлены. О, нет-нет, пожалуйста, лэр Аэрон, извольте не возражать, я же прекрасно все понимаю. Сама когда-то была относительно молодой Приближенной. – Испив вина, она продолжила: – Итак. Как вы знаете, стараниями милостивого лэра Дарвоса наша Империя в теплых отношениях со всеми соседями. А некоторым мы и вовсе задаром, так сказать, отдаем в аренду легионы. Закулисная коалиция Им-Зелота, Верхней Квилегии и Вегерии не исключение. Мы регулярно посылаем им людей для войны с Гретанским Объединением и Новым Иртаном, – Гильда прервалась, выдержала паузу, очевидно, давая переварить сказанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.